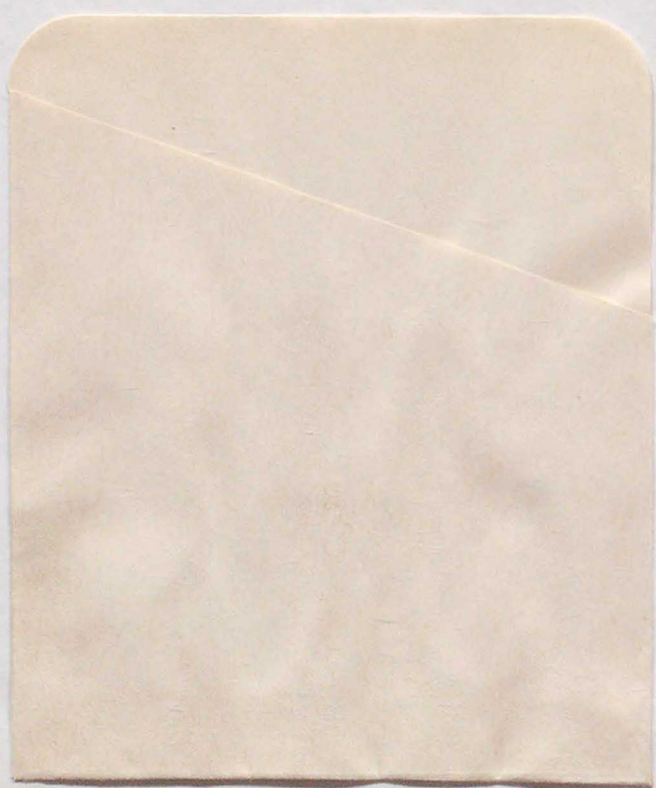

N 85/155

с. 11/85
155

ГРАФЫ АПРАКСИНЫ И ИХЪ ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВОТЧИНА— АПРАКСИНЪ ДВОРЪ

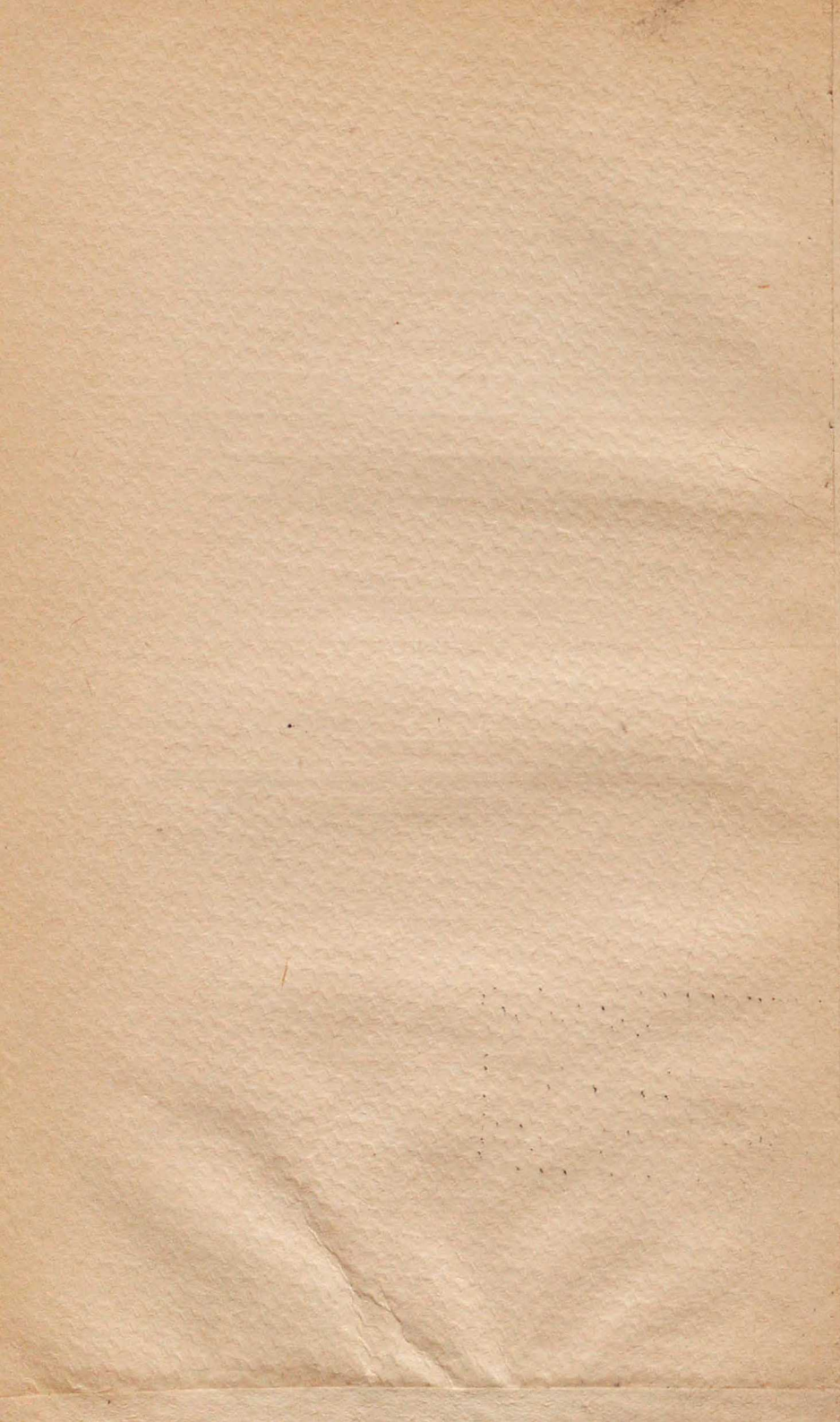
ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ
СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

СОСТАВИЛЪ
ПО АРХИВНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ
В. Ф. РУБАХИНЪ

(На правахъ рукописи).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

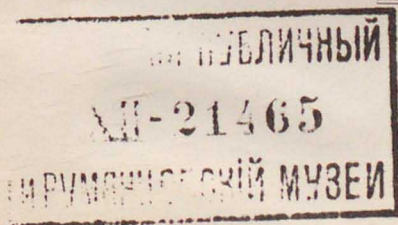

И 85
155

ГРАФЫ АПРАКСИНЫ И ИХЪ ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВОТЧИНА— АПРАКСИНЪ ДВОРЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ
СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

СОСТАВИЛЪ
ПО АРХИВНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ
В. Ф. РУБАХИНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

2014142853

Генералъ-Адмиралъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ,
графъ Фѣдоръ Матвѣевичъ Апраксинъ.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №, № вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №, №	№, № списка и порядковый	2(м) 8
						13	29 11	

И передъ новою столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфиноносная вдова.

А. С. Пушкинъ.

I.

Въ туманѣ столѣтій.

Петербургъ — самый юный изъ большихъ городовъ Россіи.

Городъ перелома русской исторіи.

Съ того момента, какъ осуществилась мысль Петра Великаго, прекрасно выраженная поэтомъ:

„Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду—
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно“...

начался такъ называемый „петербургскій періодъ“ русской исторической жизни—европеизированіе Россіи.

Потребовались, конечно, для этого учителя, и эти „учителя“ были иностранцы, привлеченные великимъ преобразователемъ своего государства, но не было недостатка и въ русскихъ сподвижникахъ своего государя — „птенцахъ гнѣзда Петрова“.

Такъ созданъ Петербургъ — оплотъ Россіи вблизи Балтійскаго моря съ его форпостомъ— Кронштадтомъ.

И печать иноземщины продолжаетъ лежать на этомъ русскомъ городѣ до сегодня, какъ наслѣдіе тѣхъ „учителей“, которые призваны были европеизировать Россію, несмотря на то, что „градъ Петровъ“ вступилъ уже въ третье столѣтіе своего существованія.

Вполнѣ современной кажется не безъ горькаго чисто русскаго чувства сказанная острота князя Меншикова, который при императорѣ Николаѣ Павловичѣ просилъ „произвести его въ нѣмцы“.

Такъ велико иноземное засилье въ Россіи, вообще, а въ Петербургѣ, въ частности.

Этимъ въ наибольшей степени объясняется забвеніе многихъ сподвижниковъ Петра Великаго, славныхъ именъ, какъ бы затерявшихся на страницахъ русской исторіи, а между тѣмъ игравшихъ въ ней выдающуюся роль не только

въ московскій, но даже еще въ удѣльный ея періодъ, и положившихъ, вмѣстѣ съ царемъ-преобразователемъ начало періоду петербургскому.

Къ такимъ оставшимся въ небольшомъ числѣ именамъ принадлежитъ имя Апраксиныхъ, татарскихъ выходцевъ, породнившихся съ великокняжескимъ и царскимъ родомъ и ставшихъ истинно-русскими людьми и государственными дѣятелями.

Родъ Апраксиныхъ, одна изъ вѣтвей котораго получила графское достоинство, окутанъ туманомъ столѣтій.

Впервые о немъ упоминается въ 1301 году.

Лѣтописецъ этого времени повѣствуетъ о томъ, что изъ Золотой Орды выѣхали въ Рязань два брата, знатные мурзы, происходившіе по прямой линіи отъ царствовавшихъ въ то время хановъ Золотой Орды, Солохомиръ и Едуганъ.

Послѣдній былъ вскорѣ убитъ татарами.

Солохомиръ же принялъ Святое крещеніе и былъ нареченъ Іоанномъ, по крестному отцу—Мирославичемъ.

Княжества онъ не сохранилъ, такъ какъ въ тѣ далекія отъ насъ времена выходцы изъ татаръ сохраняли княжество, переходя лѣтомъ, а переходившіе зимой награждались „шубой съ княжескаго плеча“.

Недорого въ то время цѣнилось татарское княжество.

Салохомиръ и Едуганъ, видимо перешли зимой.

Великій князь Олегъ Рязанскій принялъ ихъ съ ласкою и почетомъ, простершимися до того, что оставшагося въ живыхъ Солохомира пожаловалъ бояриномъ и даже выдалъ за него сестру свою княжну Анастасію Іоанновну и опредѣлилъ ему вотчину: Веневъ, теперь уѣздный городъ Тульской губерніи, Ростовецъ, Верхдеревъ, Михайлово-поле и Безпутскій станъ.

У Ивана Мирославича было три сына: Григорій, Иванъ, прозванный Кончеемъ и Михайлъ.

Всѣ они были боярами на службѣ великаго князя Олега Ивановича Рязанскаго, приходясь ему племянниками.

У второго сына Ивана Мирославовича—Ивана былъ сынъ Андрей, прозванный „Апраксою“, что по-татарски значитъ „бѣлый“, и это-то имя онъ оставилъ всему своему потомству—Апраксинымъ, состоявшимъ въ родствѣ съ домомъ Рюриковичей.

Отъ другихъ сыновей того же Ивана Мирославича — Григорія и Михаила произошли роды: Вердеревскихъ, Крюковыхъ и другихъ.

Сыновья Андрея — Ероѳей-Ярецъ и Прокопій Апраксины перешли на службу московскаго ве-

ликаго князя Ивана III Васильевича и получили отъ него значительныя земли въ великомъ княжествѣ Московскомъ, Владимірскомъ, близъ Мурома, Заполья и Стародуба.

Прокопій Апраксинъ получилъ въ удѣлъ городъ Гороховецъ.

Ихъ дѣти и внуки продолжали службу въ Московскомъ государствѣ.

Матвѣй Апраксинъ, сынъ Василія, былъ отцомъ Марѣы Матвѣевны Апраксиной, второй жены царя Ѳеодора Алексѣевича.

Такимъ образомъ Апраксины вторично породнились съ потомками Рюрика — домомъ Романовыхъ.

Царица Марѣа умерла въ 1715 году.

Ея отецъ Матвѣй Васильевичъ Апраксинъ былъ убитъ въ 1668 году въ походѣ на калмыковъ.

Кромѣ дочери у него было три сына: Петръ, Ѳеодоръ и Андрей.

Они съ самой юности состояли при царѣ — своимъ шуринамъ.

Въ царствованіе Петра Великаго, Петръ и Ѳеодоръ были пожалованы стольниками ¹⁾, но вскорѣ они перешли на военную службу и тамъ отличились своими доблестями.

---

¹⁾ Стольникъ — старинный придворный чинъ.

Андрей Апраксинъ, состоявшій стольникомъ при царѣ Иванѣ Алексѣевичѣ, былъ сдѣланъ при императорѣ Петрѣ I въ 1722 году оберъ-мундъ-шенкомъ.

Онъ первый былъ назначенъ на эту должность, когда Петръ преобразовалъ свой дворъ по образцу дворовъ иностранныхъ.

Въ тоже время Андрей Матвѣевичъ Апраксинъ получилъ графское достоинство.

У Θεодора — сына Андрея было нѣсколько сыновей: изъ которыхъ Александръ, Петръ и Матвѣй Θεодоровичи явились родоначальниками трехъ вѣтвей графскаго рода Апраксиныхъ.

II.

„Птенцы гнѣзда Петрова“.

Апраксины являются самыми дѣятельными и талантливыми сподвижниками Петра Великаго въ дѣлѣ преобразованія имъ Россійскаго Государства.

Кромѣ Андрея Апраксина, и Петръ, и Ѳедоръ Матвѣевичи вписали золотыми буквами свои имена въ исторію Россіи начала петербургскаго періода.

Едва лишь Петръ Великій принялъ бразды правленія послѣ смерти своего брата царя Ивана Алексѣевича и устраненія отъ правленія царевны Софіи Алексѣевны, какъ старшій изъ братьевъ Петръ Апраксинъ былъ назначенъ Новгородскимъ воеводой.

Въ іюнѣ 1702 года, во время войны со шведами, онъ опустошилъ всю Кексгольмскую провинцію и уничтожилъ флотилію, посланную, подѣ

начальствомъ шведскаго адмирала Нунберга, для истребленія всѣхъ русскихъ поселеній на берегахъ Ладожскаго озера.

Въ августѣ слѣдующаго года онъ предупредилъ непріятельское вторженіе, выступивъ съ замѣчательной быстротой на встрѣчу непріятелю въ Ингрію, и разбилъ на голову генерала Кро-ніорта у рѣки Ижоры.

Въ 1703 году Петръ Апраксинъ прикрылъ осаду крѣпости Ніеншанца и способствовалъ основанію Петербурга.

Въ 1704 году, при вторичной осадѣ русской арміей города Нарвы, онъ занялъ устье Наровы и отбилъ оттуда непріятельскій флотъ, везшій продовольствіе осажденнымъ.

Въ концѣ 1705 года онъ былъ посланъ въ Астрахань для усмиренія стрѣлецкаго бунта и назначенъ губернаторомъ на мѣсто воеводы Ржевскаго, погибшаго во время мятежа.

Здѣсь 8-го сентября 1708 года онъ заключилъ договоръ съ знаменитымъ калмыцкимъ ханомъ Аюкомъ у рѣки Ахтуба (рукавъ Волги), склонивъ его принять навсегда русское подданство, не удаляться со своими кочевниками отъ береговъ Волги, защищать города, лежащіе близъ ея устьевъ, и ограждать страну отъ вторженія сосѣднихъ племенъ.

Въ томъ же году онъ былъ назначенъ Казанскимъ губернаторомъ, творилъ судъ и расправу надъ тридцатью шестью городами: Астраханью, Саратовымъ, Уфой, Симбирскомъ, Нижнимъ-Новгородомъ и другими, и оказалъ большія услуги Петру I скорой доставкой корабельныхъ лѣсовъ, постройкой судовъ на Волгѣ и доставкой лошадей для кавалеріи.

Онъ совершилъ также нѣсколько удачныхъ походовъ противъ Кубанцевъ и крымскихъ татаръ, тревожившихъ русскія границы, и противъ донскихъ казаковъ, возставшихъ подъ предводительствомъ атамана Некрасова.

Всѣ эти заслуги отечеству были достойно оцѣнены Петромъ Великимъ, возведшимъ Петра Апраксина на степень графа Россійской имперіи и „ближняго боярина“—достоинство, равнявшееся генераль-адъютантскому.

Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Феодоромъ Апраксинымъ онъ былъ членомъ слѣдственной комиссіи по дѣлу цесаревича Алексѣя Петровича и подписалъ его смертный приговоръ.

Въ 1722 году графъ Петръ Апраксинъ былъ назначенъ президентомъ юстицъ-коллегіи съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а при Екатеринѣ I, по случаю бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ

21-го мая 1725 года, былъ пожалованъ, минуя слѣдующій чинъ, прямо дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Онъ умеръ между 1726 и 1728 годами, не оставивъ по себѣ мужского наслѣдника.

Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ родился въ 1671 году.

Въ 1681 году онъ былъ пожалованъ стольникомъ къ царю Феоодору Алексѣевичу, а по кончинѣ царя перешелъ на ту же должность къ царю Петру Алексѣевичу.

Будучи неразлучнымъ товарищемъ Петра Алексѣевича во всѣхъ его увеселеніяхъ, онъ состоялъ въ ротѣ „потѣшныхъ“, служа въ Семёновскомъ полку, и въ 1696 году былъ произведенъ въ подполковники; самъ же царь числился тамъ полковникомъ.

Все это убѣждаетъ насъ, что вѣрная дата его рожденія — 1671 годъ, и онъ началъ службу въ „потѣшныхъ“ на двѣнадцатомъ году отъ рожденія. Между тѣмъ, по другимъ источникамъ, годомъ его рожденія считается 1661 годъ.

Въ 1692 году Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ былъ назначенъ воеводою въ Архангельскъ.

Тамъ онъ построилъ первый купеческій корабль и послалъ его съ товарами въ море, а въ

1693—94 годах сопутствовалъ царю Петру въ плаваніяхъ по Бѣлому морю.

Когда Петръ Великій отправился въ Амстердамъ, то взялъ съ собой и Ѳедора Матвѣевича, который совмѣстно съ нимъ изучалъ морское дѣло.

При второмъ путешествіи царя въ чужіе края Ѳ. М. имѣлъ главный надзоръ надъ постройкою флота въ Воронежѣ, а по возвращеніи царя участвовалъ въ первомъ плаваніи русскаго флота у Таганрога въ 1699 году и въ походѣ къ Керченскому проливу.

17 февраля 1700 года Апраксинъ былъ пожалованъ званіемъ адмиралтейніуса и съ этого времени до 1706 года завѣдывалъ вновь учрежденнымъ адмиралтейскимъ приказомъ, постройкой флота на рѣкѣ Воронежѣ, устройствомъ и управленіемъ морской части въ Азовскомъ краѣ, въ качествѣ губернатора г. Азова.

Управленіе Ѳедоромъ Матвѣевичемъ, не специалистомъ, морскою частью было блистательно—построено было множество судовъ, перестроены Азовъ, устроена была въ Таганрогѣ гавань для военныхъ судовъ и крѣпость со стороны сухого пути, названная Троицкою, при устьѣ рѣки Міуса сооружена крѣпость Павловская, Керченская корабельная верфь снабжена доками и шлюзами и

учреждены новыя верфи при городахъ Тавровѣ и Новопавловскѣ.

Въ 1705 году, во время астраханскаго мятежа Ѳедору Апраксину было поручено управленіе городомъ до вступленія туда старшаго брата его окольничаго ¹⁾ Петра Апраксина и фельдмаршала Шереметева, посланныхъ Петромъ для усмиренія мятежниковъ.

Въ 1707 году, по смерти Головина, Ѳ. М. Апраксинъ былъ произведенъ въ адмиралы и назначенъ президентомъ адмиралтействъ Совѣта.

Будучи въ этомъ званіи, онъ участвовалъ сперва въ войнѣ противъ турокъ, соединяя въ своей особѣ всѣ власти, какъ главный командиръ флота, предводитель сухопутной арміи и завѣдывающій гражданскою частью.

Однако, онъ вскорѣ вернулся на сѣверъ и въ 1708 году принялъ начальство надъ балтійскимъ флотомъ, имѣя флагъ на фрегатѣ „Думкрать“, и надъ войсками, расположенными въ Ингерманландіи.

Благоразумными мѣрами онъ спасъ Петер-

---

¹⁾ Окольничій—особый чинъ въ древней Россіи; древнѣйшія указанія на окольничихъ относятся къ первой половинѣ XIV вѣка. Окольничьи назначались изъ боярскихъ родовъ; на обязанности ихъ было, во 1-хъ, устройство всего необходимаго при путешествіи князей; во 2-хъ, представленіе государю иностранныхъ пословъ. Кромѣ того по памятникамъ XVI и XVII вѣковъ окольничьи назначались воеводами, сидѣли въ приказахъ, въ государственной думѣ и т. д.

бургъ отъ внезапнаго нападенія шведскаго генерала Любекера, намѣревавшагося занять устья Невы, лишилъ его всѣхъ способовъ продовольствія и затѣмъ уничтожилъ шведскія войска.

Петръ Великій, бывшій въ это время внѣ Петербурга, повелѣлъ въ память этого событія выбить медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ портрета Феодора Матвѣевича Апраксина и надписью:

„Царскаго Величества Адмиральъ Феодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ“.

А съ другой флота, выстроившагося въ линію, также съ надписью:

„Онъ неустанно бдитъ надъ нимъ, скорѣе смерть, чѣмъ измѣна. 1708“.

Петръ возвелъ его въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и пожаловалъ графомъ Россійской имперіи.

Онъ сталъ получать жалованье какъ генераль-адмираль, наравнѣ съ фельдмаршаломъ по 7.000 рублей въ годъ.

Эта побѣда и Полтавская окончательно обезпечили существованіе Петербурга.

Послѣ послѣдней Петръ Великій писалъ Феодору Матвѣевичу:

„Нынѣ уже совершенный камень въ основаніе Санктпетербурха положенъ съ помощью Божіей“.

Побѣды надъ шведами увѣрили Петра, что онъ сталъ твердо на берегахъ Невы и съ этого времени онъ дѣятельно занялся постройкой новой столицы.

Весь 1709 годъ Апраксинъ провелъ въ Воронежѣ, принимая участіе въ преобразованіи Азовскаго флота, а въ 1710 году былъ назначенъ главнымъ начальникомъ надъ одиннадцатитысячнымъ корпусомъ, собраннымъ на островѣ Котлинѣ для похода по льду подъ Выборгъ.

Графъ Апраксинъ прибылъ къ этой крѣпости 22 марта и въ тотъ же день приступилъ къ осаднымъ работамъ, которыя шли неудачно, такъ что чуть не заставили графа снять осаду, но въ это время тронулся ледъ, и Петръ I послалъ на помощь осаждающимъ изъ Петербурга суда съ провіантомъ и артиллеріей.

13 іюня крѣпость сдалась на капитуляцію, за что графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ получилъ орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и золотую, алмазами украшенную, шпагу.

Исправивъ послѣ осады суда отправился онъ съ галернымъ флотомъ по шхерамъ къ Гельсингфорсу, занимая по пути города и острова.

Въ 1711 году, когда возобновились военныя дѣйствія съ Турціей, графъ Апраксинъ отправился къ Азову, принялъ начальство надъ краемъ

и флотомъ, а по заключенію трактата, графъ сдалъ Азовъ туркамъ и разрушилъ Таганрогъ.

Въ 1712 году лѣтомъ, возвратясь въ Петербургъ, онъ принялъ главное начальство надъ завоеванными у шведовъ провинціями: Эстляндіей, Ингерманландіей и Кореліей, въ слѣдующемъ же году, командуя эскадрою изъ двухсотъ шхерныхъ судовъ, распространилъ ужасъ по шхерамъ, разбилъ шведовъ близъ Выборга, когда они собирались переправиться черезъ Неву, затѣмъ подѣстами Ракобора, въ виду всего ихъ флота, отбилъ на берегу моря всѣ ихъ запасные магазины и наконецъ занялъ Гельсингфорсъ и Борго.

27 іюля 1714 года онъ раздѣлилъ съ Петромъ I лавры блестящей побѣды надъ шведской эскадрою близъ мыса Гангеута.

Въ честь этой побѣды построена была въ Петербургѣ церковь во имя Св. Пантелеймона и устроено торжественное празднество.

Пять мѣсяцевъ спустя Апраксинъ отнялъ у шведовъ Нейшлотъ, крѣпость въ Саволакской провинціи.

Такова была плодотворная дѣятельность графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина, обезпечившая существованіе Петербурга и поднявшая въ глазахъ европейскихъ государствъ престижъ Россіи.

Все это не помѣшало ему подвергнуться царскому гнѣву — графъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ былъ преданъ суду за злоупотребленія, не свои, впрочемъ, а его подчиненныхъ, арестованъ и приговоренъ къ лишенію имущества и достоинствъ.

За прежнія заслуги, однако, приговоръ этотъ былъ измѣненъ и на графа наложенъ только большой денежный штрафъ.

Самъ царь далеко не охладѣлъ къ нему и въ знакъ своего къ нему благоволенія подарилъ въ 1716 году всѣ помѣстья, которыми владѣла раньше его сестра, супруга царя Ѳеодора Алексѣевича, незадолго передъ тѣмъ скончавшаяся.

Въ декабрѣ 1717 года онъ былъ назначенъ президентомъ адмиралтействъ-коллегіи и сенаторомъ, а въ 1718 былъ вторымъ по старшинству членомъ слѣдственной комиссіи по дѣлу цесаревича Алексѣя Петровича.

Веніаминъ Бергманъ въ своихъ запискахъ о Петрѣ Великомъ говоритъ, что цесаревичъ Алексѣй Петровичъ обращался за совѣтомъ къ графу Ѳеодору Матвѣевичу Апраксину, и тотъ обѣщалъ ему склонить царя поступить согласно съ желаніемъ сына, то есть дозволить ему удалиться въ монастырь.

Неизвѣстно, исполнилъ ли онъ свое обѣщаніе, и если исполнилъ, то, видимо, не имѣлъ успѣха.

Онъ подписалъ приговоръ въ числѣ 124 особъ.

Историкъ С. М. Соловьевъ подтверждаетъ это сообщеніе Бергмана и прибавляетъ, что гнѣвъ Петра усилился на сына послѣ пира у адмирала Апраксина, и это было послѣдней каплей, переполнившей сосудъ.

Въ 1719 году, послѣ заключенія Нейшлотскаго мира, графъ Ф. М. Апраксинъ былъ назначенъ эстляндскимъ губернаторомъ и вскорѣ опять отправился съ флотомъ въ Финляндію, дошелъ до Швеціи, гдѣ съ генераломъ Ласси, на Аландскихъ островахъ, заставилъ шведскихъ уполномоченныхъ утвердить требованія Россіи, причемъ десантъ русскихъ войскъ не дошелъ только пятнадцати верстъ до Стокгольма.

За эту услугу графъ Ф. М. былъ въ 1821 году награжденъ правомъ носить на мачтахъ военныхъ судовъ, гдѣ онъ находился, Кейзеръ-флагъ¹⁾, присвоенный только великимъ князьямъ.

Въ 1722 году графъ сопровождалъ Петра Великаго въ Персидскій походъ, находясь при императорѣ въ званіи главнокомандующаго.

Тамъ во время осады Дербента одинъ плѣнный лезгинъ пытался убить графа, но, по счастью, былъ задержанъ.

---

¹⁾ Кейзеръ-флагъ—тоже, что Императорскій штандартъ.

На Каспійскомъ морѣ графъ Апраксинъ впервые поднялъ Кейзеръ-флагъ, которому салютовали орудія всего флота.

Въ 1723 году графъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ принялъ начальство надъ флотомъ, съ которымъ великій преобразователь уже послѣдній разъ выходилъ въ море.

Это было въ 1725 году, когда императоръ, подъ именемъ адмирала Михайлова, отправился въ Ревель въ сопровожденіи герцога Голштинскаго.

Никогда подъ начальствомъ графа Апраксина не было столько кораблей, какъ въ этотъ разъ, — весь Балтійскій флотъ былъ налицо.

Послѣ смерти Петра Великаго графъ Апраксинъ былъ назначенъ членомъ учрежденнаго верховнаго тайнаго совѣта, причемъ онъ только нѣсколько разъ ходилъ въ море и однажды въ Ревель для прикрытія его отъ англичанъ, съ которыми были въ разрывѣ.

Въ 1727 году онъ, сдавъ свою должность, отправился въ Москву.

Перемена царствованія не умалила того значенія, которымъ пользовался графъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ при жизни царя, но скорѣе какъ бы усилила его, такъ какъ онъ былъ назначенъ посаженнымъ отцомъ цесаревнѣ

Аннѣ Петровнѣ при вступленіи ея въ бракъ съ герцогомъ Голштинскимъ и пожалованъ орденомъ Св. Александра Невского 30-го августа 1725 года, въ самый день его учрежденія императрицей Екатериной I.

Графъ Апраксинъ пережилъ Петра Великаго только тремя годами и умеръ въ Москвѣ 10-го ноября 1728 года шестидесяти семи лѣтъ отъ роду, завѣщавъ внуку Петра Великаго, императору Петру II, свой петербургскій домъ, впослѣдствіи снесенный для постройки на его мѣстѣ Императорскаго Зимняго дворца, а всѣ свои имѣнія младшему брату своему Андрею.

Умеръ онъ бездѣтнымъ.

Всѣ современники съ восторгомъ отзывались о графѣ Ѳеодорѣ Матвѣевичѣ.

„Это вѣжливѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ и хозяинъ внимательнѣйшій, великодушнѣйшій и роскошнѣйшій“ — говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ Бергхольцъ, обергофмейстеръ двора герцога Голштинскаго.

Несмотря на то, что онъ былъ родственникъ царя, у него не было завистниковъ.

Напротивъ, всѣ, безъ исключенія уважали его.

III.

При императрицахъ.

При послѣдующихъ царствованіяхъ—царствованіяхъ императрицъ, правительницъ и кратковременнаго царствованія Петра III графы Апраксины продолжали быть близкими людьми къ престолу и выдѣлялись на различныхъ поприщахъ государственной дѣятельности, преимущественно военномъ.

Такъ, въ царствованіе императрицы Елизаветы, выдѣлился и занялъ мѣсто въ исторіи Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, ведшій свой родъ отъ другой вѣтви Апраксиныхъ.

Родился онъ въ 1702 году и началъ службу рядовымъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскомъ полку, способствовавшемъ къ возведенію на престолъ дочери Петра Великаго.

Возвысился онъ благодаря дружбѣ и родству съ Шуваловымъ, Разумовскимъ и канцлеромъ Бестужевымъ, участвовалъ въ числѣ немногихъ лицъ въ Совѣтѣ, составленномъ, по приглашенію императрицы, для обсужденія вопросовъ о войнѣ съ Пруссіей и о персидскихъ дѣлахъ.

Въ 1757 году былъ членомъ конференціи, образованной для произведенія съ лучшимъ успѣхомъ и порядкомъ весьма важныхъ дѣлъ и повелѣній.

Находясь также въ дружескихъ отношеніяхъ и къ молодому двору, онъ былъ иногда посредникомъ между нимъ и упомянутыми выше приближенными императрицы, которые были близки Апраксину.

Ему, на примѣръ, поручено было склонить великаго князя Петра Ѳедоровича къ подписанію непріятнаго для него протокола конференціи съ рѣшеніемъ о вызовѣ въ Россію французскаго посла.

Произведенный 5-го сентября 1756 года въ генералъ-фельдмаршалы, Апраксинъ былъ тогда же назначенъ главнокомандующимъ арміи отправленной противъ Пруссіи.

Назначеніе его оправдывалось скорѣе его отношеніями ко двору, чѣмъ его военными заслугами, такъ какъ до своего назначенія онъ участвовалъ только въ дѣлѣ подъ Очаковымъ.

Послѣ его назначенія главнокомандующимъ Апраксинъ, однако, долгое время оставался въ Петербургѣ, и въ „Вѣдомостяхъ“ въ оправданіе этого говорилось, что „пребываніе главнокомандующаго въ Петербургѣ походу арміи ни мало не препятствуетъ“, что „главнокомандующій, будучи ближе къ полученію всевысочайшихъ резолюцій о всемъ, что къ лучшему многочисленной команды управленію принадлежитъ, разсылаетъ въ оную ордера съ большимъ поспѣшеніемъ, а самъ всегда довольно скоро къ оной прибыть можетъ“.

Пребываніе главнокомандующаго въ Петербургѣ, вдали отъ арміи, хотя бы оно и не приносило вреда успѣхамъ войны, все же должно казаться страннымъ, если бы оно не объяснялось соображеніями внутренней политики.

Въ то время императрица Елизавета была тяжело больна, такъ что всѣ ожидали ея кончины, и каждый заранѣе старался приспособиться къ новому положенію, въ которое ему приходилось стать.

С. О. Апраксинъ, какъ человѣкъ, друженно расположенный къ молодому двору, какъ извѣстно, враждебно относившемуся къ войнѣ съ Пруссіей, не хотѣлъ разгнѣвать великаго князя и княгиню дѣятельнымъ участіемъ въ этой войнѣ.

Онъ даже спрашивалъ совѣта у великой княгини Екатеринѣ, ѣхать ли ему въ армію или нѣтъ.

Когда же императрица Елизавета выздоровѣла то С. Ѳ. долженъ былъ уѣхать къ арміи, но и послѣ его прибытія армія долго не показывалась въ предѣлахъ непріятельской земли.

Въ Петербургѣ общественное мнѣніе было сильно возбуждено противъ С. Ѳ. Апраксина, стали распространяться разные слухи и злыя шутки по его адресу.

Напримѣръ, назначалась награда тому, кто отыщетъ пропавшую русскую армію.

Правительство сочло нужнымъ даже напечатать въ „Вѣдомостяхъ“ указъ, запрещающій подѣ страхомъ тяжкаго наказанія распространять ложныя слухи о политическихъ и военныхъ событіяхъ.

Наконецъ, С. Ѳ. Апраксинъ перешелъ границу Пруссіи и встрѣтился на рѣкѣ Прегелѣ у деревни Гросъ-Егерсдорфъ, съ прусскимъ генераломъ Левольдомъ 17-го августа 1757 года.

Въ происшедшемъ сраженіи русская армія потеряла больше людей, чѣмъ прусская—первая 4.494 человѣка, а вторая—2.337 человѣкъ, но, такъ какъ послѣдняя отступила и спряталась за лѣсъ, то побѣда осталась за русскими.

Послѣ этой побѣды С. Ѳ. отступилъ съ арміей въ предѣлы Россіи и этимъ вызвалъ еще большее недоумѣніе въ обществѣ и гнѣвъ императрицы.

Военные историки, однако, оправдываютъ Апраксина отъ взводимыхъ на него обвиненій въ малодушіи, преднамѣренной медленности и самовольномъ отступленіи изъ Пруссіи изъ угожденія къ будущему императору Петру III слѣдовательно, отъ обвиненія почти въ измѣнѣ.

Прежде всего вина была въ плохомъ устройствѣ и состояніи арміи, особенно кавалеріи и интендантской части, далѣе много вредила дѣлу зависимость дѣйствій арміи отъ Конференціи въ Петербургѣ, которая давала распоряженія, не зная истиннаго положенія дѣлъ въ арміи и руководясь чисто политическими соображеніями.

Наконецъ въ самой арміи главнокомандующій не былъ вполне самостоятеленъ — онъ долженъ былъ совѣщаться съ военнымъ совѣтомъ, и это также снимаетъ съ него значительную долю отвѣтственности.

Такъ, когда послѣ отступленія арміи въ Россію, полученъ былъ именной указъ императрицы Елизаветы объ исполненіи прежнихъ указовъ, требовавшихъ движенія впередъ, военный совѣтъ не рѣшилъ исполнить и на этотъ разъ указа въ

виду неизбежнаго „подверженія арміи очевидному, естественному сначала истребленію, а потомъ неминуемому безусловному отъ непріятеля разбитію“.

Конференція сперва одобрила рѣшеніе главнокомандующаго, но потомъ снова предписала С. Θ. Апраксину перейти въ наступленіе.

Военный совѣтъ арміи категорически отвѣтилъ, что „невозможное возможнымъ учинить нельзя, слѣдовательно, и армію въ Тильзитъ и въ прочія предписанныя мѣста расположить не можно“.

С. Θ. утвердилъ это рѣшеніе и съ своей стороны писалъ въ донесеніи, что „какъ противъ натуры ничего сдѣлать не можно, такъ и арміи, которая только гибелью отъ того угрожаема, въ здѣшной землѣ зимовать не мѣсто“.

Что касается самой битвы при деревнѣ Гросъ-Егерсдорфъ, то военный историкъ кампаніи 1756 — 1757 года находитъ распоряженія С. Θ. Апраксина вполне правильными и соответствующими положенію дѣла, а именно: 1) обходъ всѣми силами прусской арміи на Алленбургъ и 2) назначеніе резерва въ наиважнѣйшее по ходу боя мѣсто.

Отрицательныхъ же сторонъ было больше: 1) почти полное отсутствіе развѣдокъ на лѣвомъ

берегу рѣки Прегеля; 2) медленность движеній и дѣйствій; 3) масса обоза, мѣшавшаго передвиженіямъ арміи и 4) наибольшая отвѣтственность С. Θ. Апраксина должна быть за то, что послѣ отраженія ударовъ и отступленія прусской арміи, наша армія не перешла въ рѣшительное наступленіе.

Конференція и императрица не приняли, однако, оправданіе С. Θ. и указомъ 25-го сентября 1757 года онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду.

С. Θ. Апраксинъ умеръ внезапно отъ удара 6-го августа 1758 года въ ту минуту, когда ему хотѣли объявить оправдательный приговоръ.

Въ царствованіе Екатерины Великой сынъ сподвижника Петра Великаго графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина Матвѣй Ѳедоровичъ Апраксинъ снова породнился съ царственнымъ домомъ, женившись въ 1765 году, будучи гвардейскимъ офицеромъ, на графиню Екатерину Гендрикову, внучатой племянницы императрицы Екатерины I.

Отъ этого брака родился одинъ сынъ — Ѳедоръ Матвѣевичъ.

Послѣдній провелъ всю свою жизнь въ войнахъ противъ враговъ Россіи: онъ воевалъ со шведами, съ турками, съ поляками, съ персами и окончилъ свое земное поприще въ Баку, на

островъ Соара, который онъ занялъ именемъ своей монархини въ 1796 году.

Ему было только тридцать лѣтъ отъ роду.

Во цвѣтъ лѣтъ при Елизаветѣ Петровнѣ онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Георгія Побѣдоносца третьей степени, а Екатериной II орденомъ Св. Владиміра 1-й степени.

По поводу его раннихъ заслугъ упоминають поступокъ прусскаго короля, который, желая выказать ему особый знакъ своего монаршаго благоволенія, приказалъ наслѣдному принцу Фридриху-Вильгельму снять съ себя орденъ Краснаго Орла и надѣть его на молодого героя.

Во времена правительницъ и въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны возвысился графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Апраксинъ сынъ Андрея Матвѣевича и внукъ Матвѣя Васильевича Апраксина, ^{отца} брата-царицы Марѣы.

Онъ служилъ при Императорскомъ дворѣ камеръ-юнкеромъ, затѣмъ дѣйствительнымъ камергеромъ и въ 1744 году получилъ чинъ генералъ-лейтенанта.

Ему въ награду за усердную службу былъ Высочайше пожалованъ обширный участокъ городской земли, извѣстный до сихъ поръ подъ именемъ „Апраксина двора“ или „Апраксина рынка“.

IV.

„Апраксинъ дворъ“ и его первые владѣльцы.

Кто изъ петербуржцевъ видитъ въ Апраксиномъ дворѣ, обычно тривиально называемомъ Апраксинымъ рынкомъ, историческій памятникъ заслугъ передъ Россіей рода графовъ Апраксиныхъ, въ теченіе болѣе полутораста лѣтъ составляющій родовую собственность ихъ потомства?

Кому изъ нихъ придетъ въ голову указать на Апраксинъ рынокъ иностранцамъ, какъ на мѣстность, съ которой соединены историческія воспоминанія.

Можно спокойно отвѣтить на этотъ вопросъ:
— Никто! Никому!

А, между тѣмъ, когда-то эта „апраксинская вотчина“, находившаяся въ то время за предѣлами города, служила резиденціей активныхъ помощниковъ русскихъ императрицъ, а для одного изъ

графовъ Апраксиныхъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, мѣстомъ ссылки за слишкомъ по тому времени разгульную жизнь.

Ему запрещенъ былъ вѣздъ въ столицу.

Въ его „загородный домъ“—берега Фонтанки, или какъ тогда ее называли Фонтанной, были въ то время покрыты лѣсами—къ нему съѣзжались друзья, чтобы веселиться и пировать съ нимъ.

Такова судьба этого историческаго памятника, занимающаго огромную площадь земли между набережной рѣки Фонтанки и Садовой улицей.

Содержитъ въ себѣ этотъ участокъ болѣе 20.000 квадратныхъ сажень.

Замѣтимъ, что, послѣ перваго его владѣльца графа Федора Андреевича Апраксина, онъ перешелъ по наслѣдству къ сыну его графу Матвѣю Федоровичу, который продалъ Апраксинъ дворъ своей сестрѣ женѣ генераль-поручика Натальѣ Федоровнѣ Ласунской и выдалъ ей крѣпостной актъ, совершенный 10 іюля 1780 года, а Ласунская въ этомъ же году перепродала „дворъ“ другой сестрѣ своей женѣ генераль-маіора графинѣ Александрѣ Федоровнѣ Разумовской, которая и владѣла имъ болѣе двадцати лѣтъ.

Въ 1806 году она пожелала утвердить это имѣнье за внукомъ ея графомъ Степаномъ Фе-

доровичемъ Апраксинымъ, вслѣдствіе чего и была совершена 17 апрѣля 1806 года дарственная запись, а вступилъ онъ въ личное распоряженіе Апраксинымъ дворомъ только въ апрѣлѣ 1812 года.

Графъ Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ былъ единственнымъ сыномъ графа Ѳеодора Матвѣевича.

Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ военную службу и, пройдя всѣ чины своего Кавалергардскаго полка, онъ нѣсколько лѣтъ командовалъ имъ.

Въ его рядахъ онъ совершилъ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ и во главѣ этого полка, шефомъ котораго состоитъ Государь Императоръ, участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа въ 1831 году.

Затѣмъ онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и командовалъ гвардейской кирасирской дивизіей.

Въ 1843 году онъ былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи и въ 1844 году назначенъ состоять при особѣ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, сохраняя генералъ-адъютантское званіе.

Онъ сопровождалъ императрицу во всѣхъ ея путешествіяхъ.

Генералъ-Адъютантъ
графъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ.

Въ 1856 году онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени, а 30 августа 1860 года Св. Андрея Первозваннаго, а по кончинѣ вдовствующей императрицы Александры Ѳеодоровны назначенъ былъ Государемъ Императоромъ Александромъ II состоять при особѣ царствовавшей императрицы Маріи Александровны и шефомъ 4-го эскадрона Кавалергардскаго Его Величества полка.

Въ 1861 году онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ Александровскаго Комитета о раненыхъ и 17 апрѣля 1862 года скончался 69 лѣтъ и погребенъ въ фамильномъ склепѣ Сергіевской пустыни, лежащей по Петергофской дорогѣ.

Графъ Степанъ Ѳеодоровичъ всегда отличался высокими нравственными качествами и пользовался своимъ огромнымъ вліяніемъ при дворѣ лишь для того, чтобы ходатайствовать за угнетенныхъ и благотворить неимущимъ и сирымъ.

Его огромное состояніе заключавшееся въ капиталахъ и недвижимыхъ имѣніяхъ давало ему для этого широкую возможность.

Передъ нами составленная 1 января 1852 года „Памятная книжка объ имѣніи состоящаго при Ея Императорскомъ Велиествѣ Государынѣ Императрицѣ г. генераль-адъютанта, генерала отъ кавалеріи, графа Степана Ѳеодоровича Апраксина

и дѣтей его: сыновей графовъ отставного гвардіи штабъ-ротмистра Ѳедора и Кавалергардскаго Ея Величества полка ротмистра Антона Степановичей и дочерей двора Его Императорскаго Величества фрейлинъ графинь Елены и Елизаветы Степановнѣ Апраксиныхъ“.

Изъ этой книжки видно, что кромѣ Апраксина двора, графъ Степанъ Ѳедоровичъ владѣлъ слѣдующими недвижимыми имѣніями: родовыми — Воронежской губерніи, Задонскаго уѣзда село Черниговка, сельцо Васильевское и деревня Алексѣевская — 6.433 десятины; Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда сельцо Шиловка и слободка Степановка — 2.565 десятинъ, 1.310 сажень; Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда, Корачуницкаго погоста, село Зарабочье — 781 десятина 474 сажени; дача состоящая С.-Петербургской губерніи, въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, по берегу взморья, между дачами вѣдомства Ораніенбаумскаго Дворцоваго Правленія и генераль-маіора Яковлева — 16 десятинъ 672 сажени. Благопріобрѣтенное: каменный двухъ-этажный домъ съ мезониномъ въ С.-Петербургѣ, Литейной части въ 3-мъ кварталѣ; Саратовской губерніи Новоузенскаго уѣзда, деревня Степановка — 5.510 десятинъ 2.031 сажень. Кромѣ того пустопорожней земли въ Воронежской губерніи и уѣздѣ — 680

десятинъ и Саратовской губерніи, Новоузенскаго уѣзда—4.203 десятины 1.869 сажень.

Имѣніе дѣтей графа Степана Ѳеодоровича заключалось — родовое: Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда въ селѣ Рожественѣ, Масальское тожъ, въ деревняхъ Сумахъ, Лукьяновой, Хлудовой, Яковлевой, Чуриловой, Коростелевой — 3.898 десятинъ 110 сажень. Благопріобрѣтенное: С.-Петербургской губерніи и уѣзда, по Большой Шлиссельбургской дорогѣ на 12 верстѣ отъ С.-Петербурга, по берегу Невы, мыза и деревня Мурзинка—265 десятинъ 2.011 сажень.

Крѣпостныхъ людей по тому времени имъ принадлежало 3.997 душъ мужского пола.

Графъ Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ владѣлъ Апраксинымъ дворомъ до кончины своей, т. е. 56 лѣтъ.

Прежній владѣлецъ двора графъ Матвѣй Ѳеодоровичъ, хотя и продалъ его въ 1780 году родной сестрѣ своей Ласунской, а Ласунская своей сестрѣ графинѣ Разумовской, но по довѣренности этихъ владѣлицъ оставался завѣдующимъ дворомъ до укрѣпленія его за графомъ Степаномъ Ѳеодоровичемъ Апраксинымъ.

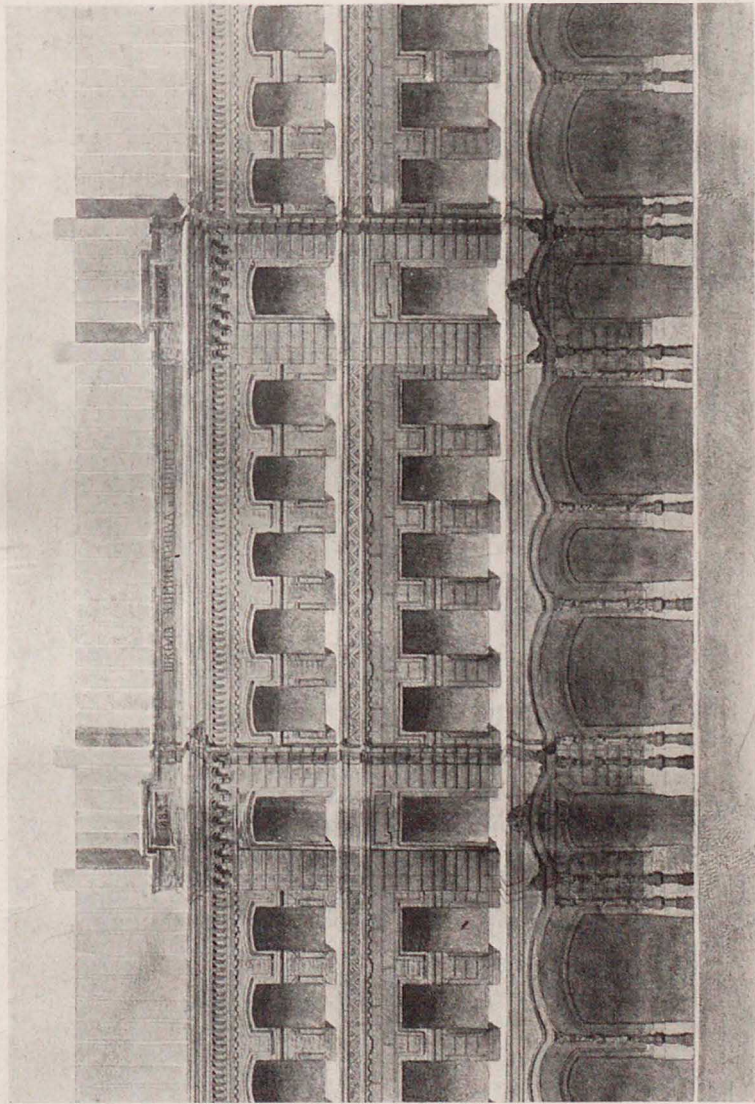
V.

Застройка Апраксина двора.

Съ 1754 по 1806 годъ графъ Матвѣй Ѳедоровичъ Апраксинъ обстраивалъ Апраксинъ дворъ и старался развить и упрочить на немъ народный рынокъ.

Исторія этой застройки не лишена интереса.

Высочайшимъ указомъ Императрицы Екатерины II, по ходатайству графа М. Ѳ. Апраксина, разрѣшено было отдавать лавки въ наемъ для торговли и продавать ихъ съ землею, частями, узаконенной мѣры, а въ 1802 году 15 іюля послѣдовалъ новый Высочайшій указъ императора Александра I, позволявшій отдавать въ наймы и продавать не только готовыя лавки, но и пустыя мѣста внутри двора и при этомъ не дѣлать препятствій образованію тамъ толкучаго рынка.

Школа Комисаровская и пріютъ.

Въ началѣ строенія Апраксина двора были каменные только по Большой Садовой улицѣ и на нѣкоторомъ протяженіи въ Апраксинѣ переулокъ и, кромѣ того, внутри двора было нѣсколько каменныхъ флигелей.

Остальныя постройки были деревянныя — лавки, будки, палатки, лари, построенныя безъ всякаго плана, въ скученномъ видѣ.

Самъ владѣлецъ и городское начальство увидали вскорѣ необходимость, въ виду наплыва торговцевъ, замѣнить деревянныя строенія каменными по извѣстному плану, который и поручено было въ 1818 году составить извѣстному въ то время архитектору Модюи.

По этому плану были выстроены внутри двора шесть большихъ каменныхъ корпусовъ съ лавками для торговли разными товарами.

На этомъ исполненіе плана Модюи было прервано и деревянныя лавки все же остались.

Произошло это вслѣдствіе того, что 14 апрѣля 1828 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе заложить весь Апраксинъ дворъ въ Государственный заемный Банкъ, на правахъ двадцати-четыrehлѣтнихъ займовъ, а исправность погашенія занятаго капитала и процентовъ обезпечить доходами съ каменныхъ и деревянныхъ лавокъ,

которыя и поддерживать для того починкою въ исправности.

Вскорѣ было объявлено постановленіе Комитета о городскихъ строеніяхъ и гидравлическихъ работахъ, Высочайше утвержденное 26 августа 1831 года, чтобы въ III Адмиралтейской части деревянныхъ строеній не имѣть.

Хотя деревянные лавки Апраксина двора были поставлены условіемъ банковской ссуды въ исключительное положеніе, но опасеніе пожаровъ, въ послѣдствіе роковымъ образомъ оправдавшееся, вынуждало администрацію требовать замѣны деревянныхъ помѣщеній каменными.

Впрочемъ 29 октября 1831 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе дозволить графу Апраксину чинить и поддерживать деревянные лавки впредь до окончанія расчета съ банкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ повелѣно составить проектъ общаго плана Апраксина двора и сосѣдняго съ нимъ Щукина, дабы сліяніемъ этихъ двухъ дворовъ образовать одинъ обширный рынокъ.

Планъ этотъ былъ составленъ Комитетомъ городскихъ строеній и гидравлическихъ работъ и Высочайше утвержденъ 3 января 1833 года.

На этомъ планѣ, декоративнаго по сочетанію частей вида, были показаны каменные корпуса

съ лавками, а также прямыя и дуговыя линіи съ деревянными ларями и столами для мелочнаго торгоу.

Въ серединѣ возвышалась церковь.

Исполненіе этого плана, какъ оказалось, превышало средства владѣльца Апраксина двора, а также и вѣдомства Народнаго Просвѣщенія, которому принадлежалъ сосѣдній Щукинъ дворъ, поэтому графъ Апраксинъ былъ освобожденъ отъ каменныхъ построекъ до погашенія долга Заемному Банку.

Въ ноябрѣ 1834 года графъ просилъ дозволеніе учредить компанію на акціяхъ для постепенной застройки торговаго двора каменными зданіями, что было ему дозволено съ условіемъ, что онъ приищетъ нѣсколько лицъ, заслуживающихъ довѣрія, которые, согласясь участвовать въ компаніи, составятъ для нея правила и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ будутъ вновь просить о дозволеніи привести ихъ въ дѣйствіе.

По затрудненію отыскать такихъ лицъ въ достаточномъ числѣ, это акціонерное предпріятіе не осуществилось.

Были составлены и другіе планы застройки Апраксина двора каменными строеніями и между прочимъ, составленный Главнымъ Управленіемъ Путей Сообщенія и публичныхъ зданій „проектъ

урегулированія Апраксина и Щукина дворовъ“ но всѣ они дѣла не подвинули.

Число деревянныхъ построекъ напротивъ увеличилось, въ виду перехода въ Апраксинъ дворъ изъ Щукина двора торговцевъ фруктами и плодами.

Одно время было предположеніе приобрѣсти въ городское вѣдомство Апраксинъ и Щукинъ дворъ для устройства на нихъ правильнаго городского рынка, но это предположеніе такъ и осталось только предположеніемъ.

Между тѣмъ собственное нежеланіе владѣльца Апраксина двора имѣть на немъ деревянные строенія и складъ лѣсныхъ матеріаловъ побудило его озаботиться возведеніемъ на немъ по мѣрѣ возможности каменныхъ построекъ.

Графомъ Апраксинымъ было поручено состоящему при конторѣ „двора“ архитектору Корсини составленіе проекта общаго плана застройки и отдѣльныхъ зданій.

Подъ наблюденіемъ Корсини были выстроены въ 1860 и 1861 годахъ каменные строенія для торгующихъ съѣстными припасами и для ягольниковъ, а также передѣланъ верхній ярусъ воротъ, ведущихъ въ Апраксинъ дворъ съ большою Садовой улицы, и утверждены планы нѣсколькихъ каменныхъ корпусовъ, изъ которыхъ

Графъ Антонъ Степановичъ Апраксинъ.

одинъ, параллельный Апраксину рынку, былъ конченъ постройкой съ наступленіемъ весны 1862 года.

Но 28 мая того же года весь Апраксинъ дворъ вмѣстѣ съ Шукинымъ дворомъ сдѣлались въ нѣсколько часовъ жертвою пламени до такой степени, что всѣ деревянныя части сгорѣли до тла, а каменные пришли въ совершенную негодность.

VI.

Пожаръ 28 мая 1862 года.

Вотъ какъ описываетъ этотъ грандіозный пожаръ въ Петербургѣ очевидецъ, извѣстный, нынѣ покойный, писатель Вс. Вл. Крестовскій, жившій въ то время въ домѣ Шамо на Фонтанкѣ, какъ разъ противъ Апраксина двора.

Погода стояла теплая: даже было жарко, что становилось особенно ощутительно послѣ холодной, дождливой и, можно сказать, суровой весны.

Въ Духовъ день Петербургъ гуляетъ.

Около четырехъ часовъ пополудни улицы были полны народомъ въ праздничныхъ нарядахъ.

По Фонтанкѣ сновали ялики съ праздничными пассажирами—кто направлялся въ Екатерингофъ, кто въ Лѣтній садъ.

И тамъ и здѣсь были народныя гулянья.

Въ Лѣтнемъ саду былъ въ то время, по преимуществу, праздникъ купечества.

Весь Щукинъ и Апраксинъ дворы имѣли тутъ полный комплектъ своихъ представителей: тутъ гуляли и хозяева съ хозяйками и съ дочерьми, и приказчики, и просто молодцы, и сидѣльцы и конторщики, и лавочные мальчики.

Въ саду гремѣло нѣсколько оркестровъ музыки, и кишмя кишѣла густая, празднично-пестрая толпа.

Народу столклось, что называется видимо-невидимо.

Вдругъ, въ шестомъ часу пополудни, съ разныхъ концовъ раздались крики.

— Горимъ! Горимъ! Пожаръ! Толкучій горить!

Сквозь просвѣты деревьевъ можно было разглядѣть вдали густую, черную и громадно-широкую полосу дыма, которая стлалась по небу и быстро мчалась нескончаемой лентой густыхъ клубовъ все дальше и дальше.

При первыхъ крикахъ тревоги гуляющіе бросились къ воротамъ.

Началась давка, суета, суматоха, и въ этой-то суматохѣ шелъ самый дерзкій, неслыханный грабежъ.

Съ мужчинъ срывали часы, нагло, лицомъ къ лицу, запускали руку въ карманы и вытаскивали бумажники, съ женщинъ рвали цѣпочки, браслеты, брошки и даже вырывали серьги изъ ушей, не говоря уже о шаляхъ и бурнусахъ, которые просто стягивались съ плечъ, причемъ многія даже сами спѣшили освободиться отъ нихъ изъ боязни задушиться, такъ какъ застегнутый воротъ давилъ собою горло.

Многія изъ женщинъ выходили изъ сада измятыя, избитыя, изорванныя, окровавленные, съ оборванными ушами; многихъ вытаскивали безъ чувствъ, или въ истерикѣ.

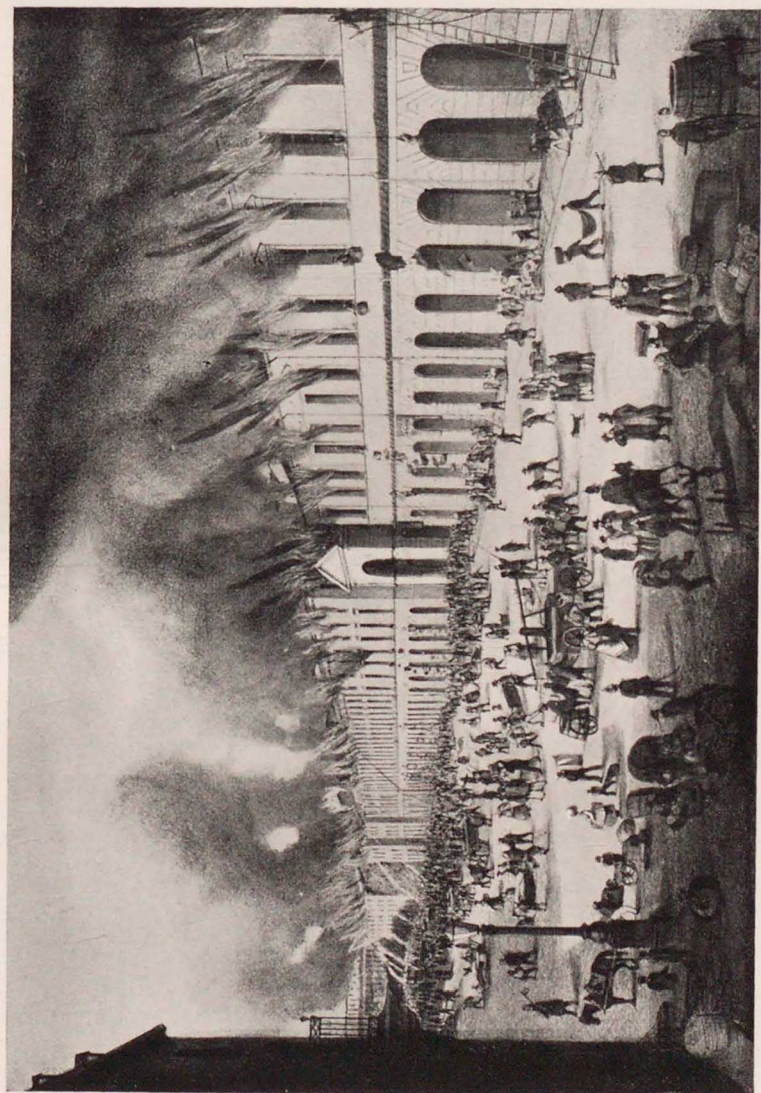
Стонъ стоялъ отъ звуковъ музыки, отъ криковъ, воплей, брани и рыданій.

У многихъ дрожало въ душѣ чувство, что они выходятъ изъ сада, быть можетъ, круглыми нищими.

Чѣмъ болѣе приближались толпы къ пожару, тѣмъ все явственнѣе становился тотъ жуткій, зловѣщій людской гулъ, который всегда зарождается какъ бы въ самомъ воздухѣ, въ виду великой бѣды общественной.

Этотъ гулъ шаговъ, экипажей, голосовъ, говора, крика смѣшался съ подобнымъ вихрю трескомъ и ревомъ пожара.

Какой-то болѣзненный, дрожащій, сумрачный отпечатокъ испуга и тревоги лежалъ не только

Пожаръ Апраксина рынка 28 мая 1862 года. Видъ съ Садовой улицы.

на лицахъ, но какъ будто на самомъ городѣ, на камняхъ, на зданіяхъ, на стеклахъ, въ самихъ улицахъ, въ свинцовой ряби водъ.

Громадная туча дыму заслонила собою солнце, которое еле-еле проглядывало изъ-за нея какимъ-то тускло-багровымъ, каленымъ пятномъ и наводило на всѣ предметы тотъ особый свѣтъ, который придавалъ имъ зловѣщій характеръ тоскливости и смятенія.

Съ каждой минутой красновато - черный столбъ дыма все выше и дальше протягивался по небу.

Изъ-за домовъ и строеній не видать было самого пожарища, но страшные языки густого и тусклого пламени, казалось, облизывали небо.

Въ черныхъ клубахъ сверкали и неслись, подхваченные кружащимъ вихремъ, крупныя искры, уголья, головни, листы бумаги, лоскутья какихъ-то тканей, оборвыши всяческаго хлама.

Стаи голубей бѣсновались со стаями ласточекъ, воробьевъ и галокъ.

Съ отчаянными криками и пискомъ они вздымались высоко-высоко, кружились въ воздухѣ, черкая его крыльями въ зигзагахъ своего полета, и, какъ ошалѣлая, гдѣ бы улетать скорѣе отъ пожара, они, напротивъ того, ныряли въ самое пламя, пропадали въ облакахъ дыма.

Пламя хлестало ихъ концами своихъ языковъ или вдругъ охватывало всею своею огненной волною, стаи вырывались изъ огня, но то тамъ, то здѣсь падали мертвые и дымящіяся птицы.

Цѣлый дождь искръ, угольевъ, пеплу и горячихъ головней сыпался съ неба на крыши, на мостовыя, на головы прохожихъ.

И это небо, съ его солнцемъ, съ этимъ огненнымъ дождемъ и мятущимися стаями птицъ представлялось испуганнымъ глазамъ народа въ грозно-страшномъ, ужасающемъ величіи.

Даже въ такихъ отдаленныхъ отъ мѣста катастрофы улицахъ, какъ Офицерская, замѣтно было сильное, необычайное движеніе, а въ Мѣщанской становилось уже тѣсно отъ столкновенія двухъ потоковъ народа, изъ которыхъ одинъ стремился на пожаръ, а другой убѣгалъ съ пожара.

Черезъ Каменный мостъ никого не пускали въ экипажахъ, и на самомъ мосту уже явились предвѣстники бѣды: испуганные лица, дрожки, кареты и возы, нагруженные вещами, пожитками и товарами, суматоха, брань, слезы, проклятія...

По ту сторону моста, хотя до пожарища лежало еще болѣе полуверсты разстоянія, начиналась уже сильная давка.

Всѣ окрестные переулки, что ведутъ на Садовую, были запружены бѣгущимъ народомъ,

грудами мебели, тюками товаровъ, сброшенныхъ въ огромныя кучи.

Громадный потокъ толпы стремился къ Апраксину двору, тѣснилъ, сбивалъ съ ногъ, захватывалъ и уносилъ съ собою и тѣхъ, кто шелъ навстрѣчу, и тѣхъ, кто спасалъ изъ домовъ свои пожитки.

Никакія усилія полиціи и конныхъ жандармовъ не могли сдержать этого напора, который опрокидывалъ и людей, и лошадей, давившихъ подъ своими копытами и всадника, и того, кто имѣлъ несчастіе подвернуться тутъ въ эту минуту.

Въ переулкахъ уже было такъ тѣсно, что нагруженные возы при встрѣчахъ едва могли разѣзжаться.

На перекресткахъ, въ особенности, была страшная давка, на одномъ изъ нихъ въ нѣсколько минутъ нагромоздили пропасть разныхъ вещей, и столпилось столько народу, что не только проѣхать или пройти, но просто съ мѣста двинуться не было ни малѣйшей возможности.

Полиція принялась расталкивать народъ—народъ сталъ растаскивать вещи, а тащить между тѣмъ некуда.

Изъ сосѣднихъ домовъ тоже выбираютъ и стаскиваютъ пожитки въ эту же груду; со всѣхъ сторонъ и везутъ и несутъ, и народъ валить.

Груда вещей съ грохотомъ валится на мостовую, давить, зашибаетъ людей... крики, стоны, ругательства.

По Садовой тоже навалены груды разныхъ вещей и товаровъ, и снуютъ массы народа, и темнота стоитъ такая, что пожарная команда и бочки съ водой едва-едва могутъ пробираться шагомъ, поминутно цѣпляясь колесами за всевозможную мебель и поневолѣ останавливаясь, чтобы не давить народа.

Изъ каменныхъ корпусовъ Апраксина двора летятъ звенья разбиваемыхъ оконъ, выламываются двери лавокъ; изъ оконъ и дверей летитъ на улицу нужное и ненужное: мѣха, шубы, шапки, цѣлыя груды сапогъ, куски всевозможныхъ матерій, женскіе уборы, ящики галантерейныхъ вещей, пустыя картонки, коробки.

Летящія изъ оконъ тяжести кого съ ногъ сбиваютъ, кому попадаютъ въ голову.

Тамъ вотъ несутъ замертво окровавленного человѣка — ящикомъ, говорятъ зашибло—а сейчасъ опять пронесли обгорѣлаго солдата пожарной команды съ переломленными ногами — съ крыши упалъ въ самое полымя.

Кто то—неизвѣстно для чего—лѣзетъ вверхъ по водосточной трубѣ, двое какихъ-то кадетъ, тоже не вѣдомо зачѣмъ отдираютъ вывѣску;

офицеръ какой - то, вышибя каблукомъ окно, спускаетъ на веревкѣ мебель, студентъ съ ломомъ бросается къ двери и взламываетъ ее.

Никто и самъ не знаетъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ то или это; испугъ, озлобленіе, растерянность, неумѣлость ярко написаны на всѣхъ лицахъ этой безконечной толпы.

Жандармы стараются оттереть толпу отъ огня—масса пятится, опрокидывается на груды вещей, ломаетъ себѣ шеи, руки ноги, падаетъ, давить другъ друга, а сзади, между тѣмъ напирають другія массы, которыя не видятъ, что творится впереди, и лѣзутъ къ огню съ неудержимою силою.

Одинъ растерявшійся квартальный гонитъ въ одну сторону, другой, невѣдомо зачѣмъ, оттираетъ въ другую, городовые валяютъ шапки съ головъ зазѣвавшихся зрителей и прутъ на толпу съ третьей стороны, но новыя массы, какъ волны, валяютъ и валяютъ одна за другою, и все впередъ, все на огонь, и давятъ и опрокидываютъ все встрѣчное, несутся съ ревомъ черезъ груды вещей и ломаютъ все, что ни попало.

Каждый атомъ этихъ живыхъ массъ воодушевленъ однимъ стремленіемъ спасти и помогать, но ни одинъ не знаетъ, что дѣлать, что спасти, кому помогать, куда направиться.

Все ошалѣло, все помутилось, все потеряло голову.

Одна великая міровая бѣда царить надо всѣми.

Въ Апраксиномъ переулкѣ становится такъ жарко, что начинаютъ загораться дома, противоположные рынку.

Заливать ихъ уже невозможно отъ жару.

Народъ, валя другъ друга, бѣжитъ изъ этого переулка, торопится не задохнуться и не сгорѣть заживо въ пеклѣ огня и дыма.

Въ Чернышевомъ переулкѣ нѣсколько менѣе давка, но жаръ зато невыносимый.

Изъ воротъ Щукина двора вдругъ летитъ цѣлый ураганъ пуха и перьевъ, которые съ трескомъ и шипѣньемъ разносятся по вѣтру и распространяютъ отвратительный смрадъ.

Куры, цесарки, утки, гуси, индѣйки, павлины и всякая мелкая птица изъ птичьяго ряда квохчетъ, крикаетъ, гогочетъ, кричитъ, стонетъ, тщетно выбиваясь изъ своихъ клѣтокъ, а которымъ удалось какими-то судьбами освободиться изъ нихъ, тѣ кружатся, снуютъ и бѣгаютъ, какъ шальные, по пожарищу, ища, но не находя себѣ выхода и, наконецъ, живьемъ запекаются и жарятся въ этой адской кухнѣ.

На тротуарѣ, какъ и на Садовой, валяются разные товары: груды полушубковъ, груды трико,

драпу, дорогихъ суконъ, груды битаго хрусталя, фаянса и всякой посуды, перины, подушки, тюфяки, диваны и громадныя простѣлочные зеркала.

Головы сахару, разбитыя бочки кофе, цибики чаю валяются въ грязи, рассыпаются по мостовой.

Народъ неистово накидывается на миндаль, пастилу и орѣхи, хватаетъ горстями просыпанный чай, набиваетъ карманы разными продуктами.

Приказчики ломаютъ двери и выбрасываютъ, что ни попало: изъ оконъ летятъ ананасы, банки съ вареньемъ, вина, трюфели, виноградъ, всяческіе консервы; бочки съ фруктами бьются въ дребезги, груши, яблоки и апельсины прыгаютъ по мостовой какъ мячики, разлетаются какъ картечь и катятся во всѣ стороны.

Толпа огуломъ накидывается на всѣ эти блага, давить ихъ ногами и въ одинъ мигъ расхищаетъ все, что лишь возможно расхитить.

— Ничего, братцы! Бери знай!.. Съѣстное, не грѣхъ! Все одно прахомъ пойдетъ! — раздаются въ этой толпѣ поощрительные возгласы.

Верхній этажъ пылаетъ, а многія лавки внизу еще заперты.

Прибѣжалъ хозяинъ одной изъ нихъ, взглянулъ на пламя, поднялъ руки вверхъ и тутъ же замертво хлопнулся о землю.

VII.

Картина бѣдствія.

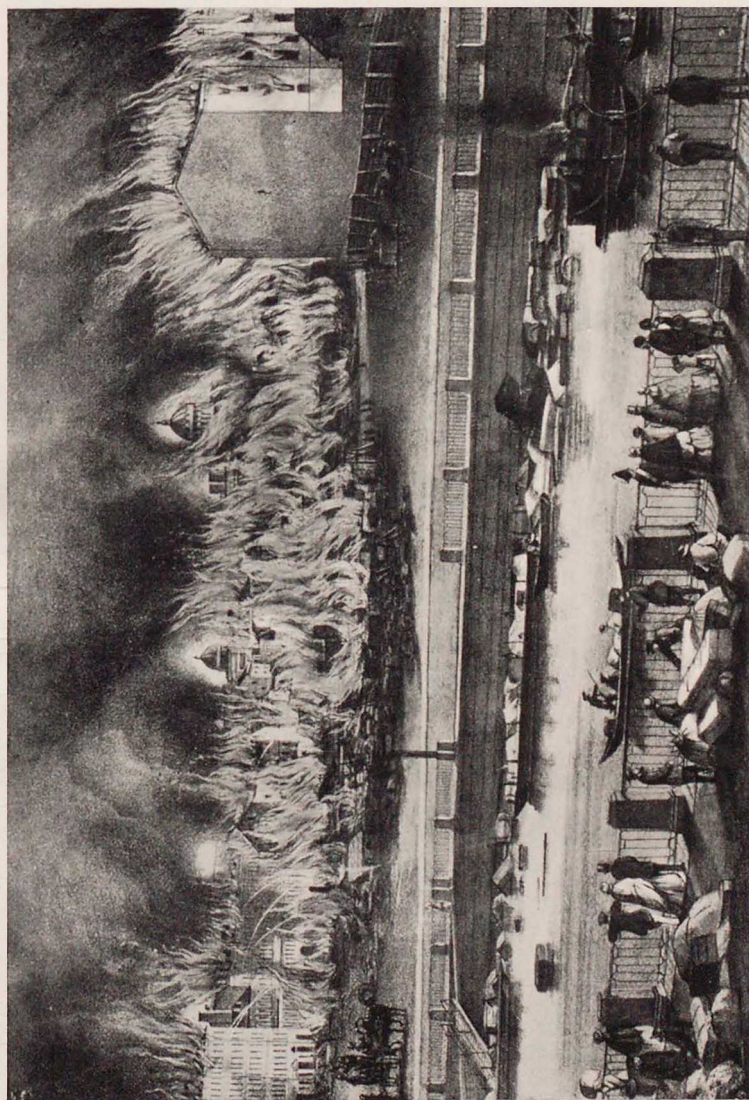
Съ противоположнаго берега Фонтанки,— рассказываетъ Вс. Вл. Крестовскій,—около Лештукова переулка открывалась страшная, поразительная картина пожара, во всемъ его адскомъ ужасѣ.

Изъ воротъ, выходившихъ на набережную, спѣшно выкатывали разные экипажи: кареты, тарантасы, коляски, дормезы, сани и дрожки.

Тутъ же тѣснились телѣги, на которыя торговцы набрасывали свой товаръ, — больше все разный пестрый хламъ изъ Лоскутнаго ряда — валили его также на барки, на плоты и на лодки, подходившія къ гранитному берегу.

Множество всякихъ узловъ, вещей и хламу, и рѣдкостей, оружія, картинъ, бронзы, китайскихъ вазъ, рѣдкихъ книгъ и груды вообще

Пожаръ Апраксина рынка 28 мая 1862 года. Видъ съ Фонтанки.

книжнаго товара, домашняя утварь, желѣзо, мебель—все это валилось съ берега черезъ чугунную рѣшетку на суда, но великое множество этихъ вещей падало въ воду и тонуло.

Между тѣмъ барки съ дровами спѣшили поскорѣй уйти отъ пожарища внизъ по теченію.

На водѣ шла такая же толкотня и сумятица, какъ и на сушѣ.

Не прошло и двадцати минутъ отъ начала пожара, какъ огонь побѣждалъ уже по самому забору рынка.

Уголь его, выходившій на набережную и Апраксинъ переулокъ, занятъ былъ громаднымъ дровянымъ складомъ.

Квадраты досокъ и бревенъ, тѣсно сплоченные одни возлѣ другихъ, возвышались надъ землею болѣе чѣмъ на три сажени.

Къ этому ряду примыкали каретный и желѣзный ряды.

Все это менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ пылало гигантскимъ, сокрушительнымъ пламенемъ.

Народъ еще копошился на той сторонѣ, пока пожаръ не дошелъ до забора, но когда золотыя полосы и жилки огня пробились сквозь его щели — жаръ вдругъ сдѣлался невыносимъ до такой степени, что черезъ минуту на набережной не было уже ни одной души.

За нѣсколько мгновеній передъ бѣгствомъ отсюда, выломали въ нѣсколькихъ мѣстахъ чугунную рѣшетку, своротили съ мѣста нѣсколько гранитныхъ трубъ и посбрасывали въ воду значительное число экипажей, надѣясь спасти ихъ хоть этимъ средствомъ.

Впрочемъ, много каретъ и колясокъ, за недостаткомъ времени, остались на опустѣлой набережной, которая за отсутствіемъ людей, вдругъ приняла какой-то мертвенный, тоскливо-пустынный и мрачный видъ.

Огонь работалъ.

Вѣтеръ клубками катилъ по набережной комья и пучки какого то горящаго хлама.

Горѣли черныя кареты, горѣли фонарные столбы.

Передъ глазами бушевало цѣлое море сплошного огня.

Заборъ давно уже рухнулъ.

Желѣзо плавилось потоками и клокотало, какъ въ калильной печи, раздражая глазъ невыносимо яркимъ свѣтомъ.

Тутъ же горѣли купоросъ и сѣра, которыя свѣтились переливами зеленого и голубого огня.

Въ воздухѣ поднялась цѣлая буря.

Сильный и порывистый морозный вѣтеръ

гналъ потоки пламени прямо на громадное зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Огненные языки уже лизали его стѣны, и черезъ нѣсколько минутъ министерскій домъ пылалъ какъ и толкучка.

Дома въ Апраксиномъ переулкѣ тоже горѣли.

Пламя крутилось и металось во всѣ стороны; иногда столбъ его, какъ огненный смерчъ, высоко уходилъ въ небо и крутился длинной спиралью.

А тамъ, вдали, за этимъ огненнымъ моремъ, мгновеніями виднѣлось другое, густо-багровое и даже какъ будто какое-то темное, черноватое пламя,—то горѣли каменные флигеля суконныхъ рядовъ, выходящіе на уголъ Садовой и Чернышева переулка.

Въ семь съ половиною часовъ пламя вырвалось наконецъ на Садовую улицу, противъ оптовыхъ лавокъ, между Мучнымъ переулкомъ и Государственнымъ банкомъ.

Ломовые извозчики подъѣзжали безпрестанно, вещи съ мостовой укладывались и увозились по мѣрѣ возможности, но все-таки цѣлыя груды ихъ оставались еще на улицѣ.

Брошенные шкафы, ящики и множество другихъ деревянныхъ удобовозгорающихся вещей

валялись въ томъ положеніи, какъ повыбрасывали ихъ изъ оконъ второго этажа.

Весь этотъ хламъ тоже начиналъ загораться и угрожалъ собою зданіямъ противоположной стороны; и дѣйствительно, одинъ изъ флигелей Государственнаго банка уже загорѣлся, но вскорѣ его отстояли.

Надо было очистить улицу отъ хлама.

Народу было множество, но онъ стоялъ себѣ простымъ зрителемъ и только препятствовалъ разѣзжаться повозкамъ.

Цѣпи военныхъ часовыхъ еще не было.

Солдаты продолжали выносить вещи, но спасали по указанію самихъ же купцовъ, потерявшихъ голову, совсѣмъ ничтожные и даже непригодные предметы, въ родѣ сапожныхъ подошвенныхъ шпильковъ, поломанныхъ дивановъ и стульевъ, битыхъ зеркалъ, разную бумагу, корзины, гвозди, пуговицы и тряпье.

Хотѣли солдаты ломать крышу, но не случилось ни топоровъ, ни ломовъ, которые явились уже гораздо позже.

Солдаты тщетно бѣгали по лавкамъ, въ надеждѣ отыскать ихъ у торговцевъ, но желѣзныхъ лавокъ поблизости не было.

Кто-то подалъ дѣльную мысль, чтобы брошенные по улицѣ вещи втаскивать обратно подъ

арку Апраксина двора—работа закипѣла, и единственно лишь этому слѣдуетъ приписать спасеніе Государственного банка и, вообще, зданій противоположной стороны Садовой улицы.

Нѣкоторыя лавки, послѣ того какъ въ нихъ были выломаны двери, къ неожиданному и крайнему удивленію свидѣтелей, оказались внутри совершенно пустыми.

Это возбудило громкій ропотъ, жалобы и подозрѣнія на хозяевъ въ томъ, что они, очевидно, вывезя весь товаръ передъ пожаромъ, вѣроятно знали, что онъ случится.

— Гляди, банкротомъ объявятся! — замѣчали въ толпѣ.

— А можетъ ради иного злостнаго банкротства и Толкучій горить! — предположилъ нѣкто.

— Нѣтъ, братъ, врешь! Толкучій не купечество, а хищные люди подожгли! Ужъ они давно на него зарились! Тѣ самые, что народъ православный по міру пустить хотятъ, да нехорошія бумаги подбрасываютъ. Это ужъ мы доподлинно знаемъ! Это вѣрно!

Лавки, оказавшіяся пустыми, стояли подъ №№ 40, 44 и 45-мъ. Фактъ этотъ засвидѣствованъ официально нѣсколькими лицами. Съ какою цѣлью и почему были вынесены изъ этихъ лавокъ всѣ товары? О цѣли, конечно, судить

трудно, но почему—это другой вопросъ. О предстоящемъ пожарѣ Апраксина и Толкучки уже заранѣе ходили темные слухи, а 26 мая были подброшены извѣщательныя письма.

Солдаты выносили товары и вещи, но все это было вполнѣ бесполезно.

Ни купцы, ни приказчики не улавливались съ ними о мѣстѣ складки, и тѣ впопыхахъ, роняя по дорогѣ и поднимая вещи, или будучи задержаны толпой, теряли изъ виду своихъ провожатыхъ и потомъ отыскивали ихъ при шумѣ и замѣшательствѣ, нарочно производимомъ многочисленными мошенниками, на которыхъ слышались жалобы изъ разныхъ мѣстъ и лавокъ, и которые объявляли себя хозяевами чужого добра.

Приказчики разгоняли ихъ, дубася по чему попало желѣзными замками, звали полицейскихъ офицеровъ, но тѣ и сами не знали, въ какую имъ сторону идти и брать ли этихъ господъ, отъ которыхъ хотя и припахивало водкой, но которые, по большей части, одѣты были прилично, называли себя дворянами и чиновниками и съ примѣрнымъ безкорыстіемъ усердствовали въ разбитіи дверей тѣхъ лавокъ, хозяева которыхъ не успѣвали во время явиться на мѣсто.

Вообще, повсюду шелъ грабежъ страшнѣйшій.

Хозяева вещей стараются поймать вора, ловят и правого и виноватаго, завязывается драка, вступается полиція, а грабежъ этимъ часомъ идетъ еще болѣе.

VIII.

Царь на пожаръ.

Около шести часовъ пополудни огонь показался на противоположной сторонѣ Фонтанки.

Быть можетъ его перебросило.

Здѣсь, повидимому, никто не чаялъ новаго пожара, какъ вдругъ, почти мгновенно, освѣтило дровяные дворы и досчатые склады, затѣмъ и четверти часа не прошло, какъ уже пылали Чернышевъ, Троицкій и Щербаковъ переулки.

Въ послѣдній, въ особенности, было страшно взглянуть: это самый узкій изъ петербургскихъ переулковъ, застроенный въ то время, по большей части, ветхими деревянными лачугами, и теперь въ немъ трещала цѣлая рѣка непрерывнаго, сплошного огня: тамъ уже ни души не было.

Оттуда можно было только спастись, но не спастись.

Въ общей сложности горѣло пространство, по крайней мѣрѣ, на три версты въ окружности.

Тринадцать пожарныхъ частей съ ихъ резервами — все, чѣмъ былъ богатъ въ этомъ отношеніи городъ—раскинулись на столь громадномъ протяженіи и совершенно терялись въ немъ.

Работа ихъ, повидимому, была вполнѣ безсильна.

Пожарные солдаты, измученные длиннымъ рядомъ предшествовавшихъ непрерывныхъ пожаровъ, въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати дней лишенные сна и покоя, часто по цѣлымъ суткамъ голодные отъ неимѣнія времени проглотить какой нибудь кусокъ, въ настоящую минуту еле двигали руками и ногами.

Сколько изъ нихъ, бывало, въ ожиданіи воды, присядутъ къ колесу бочки и тотчасъ же засыпаютъ глубокимъ сномъ; сколько, бывало, валились съ ногъ на мостовую въ совершенно безчувственномъ состояніи.

Одинъ сталъ-было на подножку, склонилъ голову на дроги, да такъ и остался недвижимъ: никакими усиліями не могли его растолкать — онъ онѣмѣлъ совершенно.

А сколько этихъ людей калѣчилось, убивалось, гибло въ огнѣ жертвами самоотверженія!

Спасибо еще, что находились добрые люди, которые привозили имъ на пожаръ хлѣба, вина и калачей—и трудно представить себѣ до какой степени простиралась благодарность этихъ солдатъ.

Хвативъ глотокъ водки и на ходу закусывая кускомъ хлѣба, они съ новой энергіей кидались въ свою каторжную работу и дѣлали все, что только въ состояніи сдѣлать человѣческія силы.

Пожаръ сталъ общою бѣдою — тушить его стало общимъ дѣломъ.

Офицеры гвардіи, отставные солдаты, чиновники, пажи, гимназисты и студенты, лицеисты и правовѣды, денди въ отличнѣйшихъ пальто, съ пенснэ на носу, и пролетарій съ Сѣнной площади, священники, негоціанты, капиталисты и нищіе, лица заслуженныя и простые работники, баре и мѣщане—словомъ, всѣ, кто только могъ, посильно помогали дѣлу, карабкались на подмости пожарныхъ машинъ и, облитые потоками грязной воды, обсыпанные пепломъ, подъ дождемъ сыплющихся искръ и углей, усердно качали и качали воду, опустошая на всѣхъ пунктахъ цѣлыя сотни бочекъ.

Въ одномъ мѣстѣ какой-то заслуженный сѣдой генераль, видя, что рвеніе толпы къ по-

мощи начинаетъ ослабѣвать, а утомленные пожарные, между тѣмъ, выбиваются изъ силъ, влѣзъ на пожарную трубу и, не говоря ни слова, что было мочи, сталъ качать воду.

Этотъ примѣръ былъ своего рода электрической искрой.

Сотни рукъ въ одну минуту двинулись къ машинѣ, чтобы освободить честнаго добраго человѣка отъ непосильнаго ему труда.

Двое кадетъ инженернаго корпуса виднѣлись вмѣстѣ съ нѣсколькими пожарными на объятый пламенемъ крышѣ высокаго пятиэтажнаго дома и усердно работали тамъ топорами.

Какой то молодой человѣкъ, безъ сюртука, одѣтый въ одну рубашку и панталоны, съ студенческой фуражкой на головѣ, съ топоромъ за кожанымъ поясомъ, предводительствуя небольшой группой своихъ товарищей студентовъ, просто поражалъ толпу, смотрѣвшую на пожаръ, чудесами неимовернаго мужества.

Сначала онъ работалъ около министерства внутреннихъ дѣлъ, но потомъ, когда тутъ нечего уже было дѣлать, бросился со своими товарищами въ Троицкій переулокъ.

За ними послѣдовала цѣлая толпа, чтобы полюбоваться на молодецкій образъ дѣйствій отважнаго юноши.

Тутъ онъ по лѣстницѣ бросился на одинъ изъ загорѣвшихся уже домовъ, и толпа снизу видѣла, какъ изъ подъ его топора летѣли щепки, когда онъ быстро рубилъ горѣвшія балки.

Товарищи его помогали ему сбрасывать балки на землю, но вдругъ раздался зловѣщій трескъ, подъ студентомъ рушится потолокъ и онъ проваливается.

Крикъ ужаса вырвался у глядѣвшей толпы.

Прошли минуты двѣ ожиданія, обдающаго нѣмой тишиной и дрожью, и холодомъ.

Но вотъ онъ, однако, показывается въ окнѣ пылающаго верхняго этажа.

Товарищи его, успѣвшіе, между тѣмъ, спуститься внизъ, помогаютъ ему сдѣлать тоже, приставляютъ лѣстницу, но онъ, видимо страдаетъ отъ боли.

Не прошло и пяти минутъ, какъ снова, заткнувъ топоръ за поясъ, онъ взбирается по лѣстницѣ на другой горящій домъ, хотя толпа и не пускала его.

Это самоотверженіе тѣмъ болѣе могло назваться подвигомъ, что толпа громко говорила, будто Петербургъ жгутъ поляки и студенты. Одинъ видъ синяго околыша студенческой фуражки уже въ этой слѣпой толпѣ возбуждалъ враждебную подозрительность и негодованіе.

Примѣры великодушія являли многіе городскіе и ломовые извозчики. Болѣе полутораста ломовыхъ прикатали къ мѣсту пожара съ Калашниковской пристани, чтобы перевозить товары за самую ничтожную плату и даже вовсе безъ всякой платы.

Одинъ извозчикъ съ Литейной прислалъ для той же цѣли пятнадцать четверомѣстныхъ каретъ.

Но зато были и такіе спекулянты, которые за перевозку клади отъ Гостиного двора на Царицынъ лугъ, разстояніе менѣе чѣмъ полверсты, драли по тридцати пяти рублей съ воза, или по пятидесяти съ омнибуса.

Кто хотѣлъ въ мутной водѣ ловить рыбу, тому было всяческое раздолье.

На Чернышевской площади, предъ пылающимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было нѣсколько просторнѣе и потому сказывался кое-какой порядокъ.

Груды бумагъ и „дѣлъ“ высились на мостовой.

Порывы вѣтра подхватывали ихъ, рвали, кружили и разносили въ стороны.

Нѣсколько студентовъ захватили пять или шесть извозчичьихъ дрожекъ и, наваливъ туда кипы этихъ бумагъ, отвозили ихъ подъ своимъ

надзоромъ въ болѣе безопасное мѣсто. Другіе ловили и подхватывали по листу отдѣльные листы и отдавали ихъ тѣмъ же студентамъ.

Фасадъ министерства стоялъ подъ вѣтромъ, и потому языки огненного пламени, выпятивавшіеся изъ всѣхъ оконъ верхняго и средняго этажей, плавно поднимались вверхъ и уже оттуда вѣтеръ металъ ихъ во всѣ стороны.

Сквозь пролетные арки сосѣдняго дома министерства народнаго просвѣщенія, несмотря на огонь адскаго пожара, порою открывалось вдали на нѣсколько мгновеній небо, все багровое отъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца.

Начинало смеркаться.

Въ воздухѣ понемногу темнѣло, и вмѣстѣ съ синевою сумерекъ увеличивалось зарево пожаровъ.

Оно становилось теперь какимъ-то грознымъ зловѣщимъ, ярко-кровавымъ.

Стаи голубей и листы бумаги все еще высоко кружились надъ пожарищемъ, мгновеньями сверкая подъ лучами огня своею яркою бѣлизною.

Иногда бумага казалась птицей, а птица — бумагой.

Вода на Фонтанкѣ вся поворонѣла, на мелкихъ изломахъ ея зыби, словно на стальной

чешуѣ, мириадами свѣтлыхъ точекъ, полосокъ и змѣекъ играли отблески кроваваго огня.

По теченію медленно плыли одна за другой три покинутыя барки, наполненныя дровами.

Одна изъ нихъ горѣла.

Вдругъ на площадь повалила несмѣтная толпа народа. Гулъ сотенъ тысячъ голосовъ раздражался въ потрясенномъ воздухѣ однимъ гигантскимъ единодушнымъ крикомъ, однимъ безконечнымъ „ура“.

Надъ этими массами развѣвались султаны нѣсколькихъ всадниковъ.

Впереди былъ одинъ.

Онъ медленно подвигался впередъ на своемъ конѣ, совершенно отдѣленный, отрѣзанный отъ остальныхъ всадниковъ живыми волнами плотной массы народа.

Это ему кричали „ура“ эти сотни тысячъ грудей, поднятыхъ однимъ восторженнымъ порывомъ, однимъ стремленіемъ.

Русскій народъ встрѣчалъ русскаго Царя.

Иной встрѣчи и быть не могло:—справедливо замѣчаетъ по этому поводу очевидецъ этой исторической сцены Вс. Вл. Крестовскій: — у нихъ одна и та же радость и горе, одни и тѣ же друзья и недруги, и это высшее единеніе чувствовалось инстинктивно, само собою, никѣмъ и

ничѣмъ не подсказанное, никакимъ искусствомъ не прививаемое, оно органически, естественно рождалось изъ двухъ близкихъ словъ, изъ двухъ родныхъ понятій: „народъ“ и „царь“.

— Батюшка!.. Царь!.. Спаси!.. Заступись!.. Ты одинъ нашъ надежда!.. Отецъ нашъ! — вопилъ народъ, кидаясь къ царскому стремени и обнимая ноги Государя. Мы знали, что Ты съ нами! Ты нашъ? Ты не оставишь... Мы всѣ съ Тобою! Всѣ за Тебя! Не выдадимъ! Умремъ — не выдадимъ!

И снова тысячегрудое, громовое „ура“ потрясало воздухъ и заглушало свистъ и ревъ пожара.

Съ трудомъ прокладывая себѣ дорогу чрезъ волнующееся море народныхъ массъ, Государь Императоръ Александръ Николаевичъ продолжалъ одинъ, безъ свиты, оставленной далеко позади, медленнымъ шагомъ ѣхать впередъ.

У Чернышева моста онъ на минуту остановилъ коня и оглядѣлся.

Впереди было море огня, позади море огня.

Надъ головою свистала буря и сыпался огненный дождь искръ и пепла—и среди этого хаоса и разрушенія раздавались тяжкіе стоны, рыданія, вопли о помощи, о защитѣ и могучее, восторженное, ни на единый мигъ несмолкавшее „ура“ всего народа.

Всѣ мысли, всѣ взоры были теперь прикованы къ лицу Государя.

Это лицо было блѣдно и величественно.

Оно было просто искренно, и потому такимъ теплымъ чувствомъ поражало души людскія.

Для народа оно было свое, близкое, кровное, родное.

Сквозь кажущееся спокойствіе, въ этомъ блѣдномъ лицѣ проглядывала скорбь глубокая, проглядывала великая мука души.

Нѣсколько крупныхъ слезъ тихо скатились по лицу Государя.

Народъ видѣлъ эту скорбь, видѣлъ эти слезы.

Быть можетъ, никогда не былъ Царь такъ близокъ народу, такъ высоко популяренъ, какъ въ эти тяжкія минуты всенародной бѣды.

Не было такой непреходной преграды, которая бы не преодолѣлась, не было такой великой жертвы, которая не принеслась бы народомъ, съ восторгомъ несокрушимой силы и любви, съ охотой доброй воли, по единому Его слову.

Съ этой минуты для народа Царь, одинъ Царь былъ все. Внѣ Царя, мимо Царя народъ ничего не зналъ, ничего не видалъ. Старая историческая связь закрѣпилась теперь еще разъ новыми узами.

Новыя массы, новыя живыя рѣки людей ото-
всюду стремились навстрѣчу Государю.

Вѣсть о томъ, что Онъ Самъ здѣсь же, на по-
жарѣ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, какъ электриче-
ская искра, пробѣгала въ массахъ, и крики „ура“
оглашали воздухъ за версту и болѣе разстоянія
отъ того мѣста, гдѣ находился Царь.

Тамъ Его не видѣли, но чувствовали Его при-
сутствіе.

IX.

Послѣ пожара.

Вся мѣстность Апраксина двора представлялась послѣ пожара почти свободною площадью.

Убытки отъ пожара были громадны.

Они простирались за шестьдесятъ милліоновъ рублей.

Погорѣльцамъ немедленно были отведены разныя казенныя помѣщенія, казармы и манежи.

Болѣе двадцати тысячъ человѣкъ сидѣльцевъ, приказчиковъ мальчиковъ, рабочихъ, хозяевъ ларей остались положительно безъ куска хлѣба.

Толпа этого народа нѣсколько разъ собиралась у станціи Царскосельской желѣзной дороги и ждала Государя, а когда Государь выходилъ на крыльцо, они становились на колѣна и кричали „ура“, вопія въ то же время о хлѣбѣ и защитѣ.

4 іюня 1862 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о дозволеніи погорѣвшимъ торговцамъ пользоваться для производства торга временными помѣщеніями какъ въ мѣстностяхъ Апраксина и Щукина дворовъ, такъ и на Семеновскомъ плацѣ-парадѣ, отведенномъ для желающихъ на трехлѣтній срокъ, для чего было роздано пятьсотъ палатокъ, которыя тотчасъ же и раскинулись на Семеновскомъ плацу таборомъ.

8 іюня въ этотъ таборъ пріѣхала Государыня Императрица Марія Александровна, останавливаясь у множества лавокъ, покупала разную мелочь и платила съ избыткомъ наиболѣе нуждающимся.

13 іюня Государыня изволила посѣтить и Апраксинъ дворъ и Всемиловѣйше передать погорѣвшимъ торговцамъ икону Казанской Божіей Матери, выразивши желаніе, чтобы они, покорясь волѣ Всевышняго, старались поскорѣе изгладить слѣды пожара.

Эпизодъ этотъ изображенъ въ литографированной картинѣ художника Брезе.

Въ это время владѣльцами торговаго Апраксина двора были вдова старшаго сына покойнаго графа Степана Ѳеодоровича Апраксина гвардіи штабъ-ротмистра графа Ѳеодора Степановича Апраксина, графиня Александра Васильевна, урожден-

Посѣщеніе Государыней Императрицей Маріей Александровной Апраксина рынка послѣ пожара.

Съ литографіи художника Брезе.

ная княжна Трубецкая, съ малолѣтней дочерью графиней Александрой Ѳедоровною Апраксиной, второй сынъ графа, Свиты Его Величества генераль-маіоръ графъ Антонъ Степановичъ Апраксинъ и родныя его сестры: фрейлины Высочайшаго Двора, графини: Елена Степановна и Елизавета Степановна Апраксины.

По случаю малолѣтства одной изъ наслѣдницъ учреждена была опека надъ Апраксинымъ дворомъ и прочими имѣніями покойнаго графа Апраксина, и опекунами назначены: генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ и графъ Антонъ Степановичъ Апраксинъ.

Образовалось опекунское управленіе, которое и приступило къ завѣдыванію Апраксинымъ дворомъ.

Первою заботою, конечно, было устройство въ Апраксиномъ дворѣ временныхъ торговыхъ помѣщеній, а затѣмъ владѣльцы двора, а также собственники лавокъ по Садовой улицы и частью по Апраксину переулку, пріобрѣтенныхъ куплею въ разное время, видя необходимость скорѣе возводить вмѣсто разрушенныхъ пожаромъ новыя зданія, поручили архитектору Корсини составить проектъ двухъ зданій съ лавками по Садовой улицѣ, начиная отъ сосѣдняго

Щукина двора до поворота въ Апраксинъ переулокъ.

Проектъ былъ Высочайше утвержденъ 9 августа 1862 года и тогда же приступлено было къ сломкѣ обгорѣвшихъ стѣнъ старыхъ строеній и къ новымъ работамъ, которыя производились такъ успѣшно, что зданія эти заложенные 19 августа 1862 года окончены постройкой 15 іюля 1863 года.

Затѣмъ началась внутренняя отдѣлка.

17 августа 1863 года, по желанію владѣльцевъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе наименовать эти зданія „Александровскою линіей“.

Обошлась эта постройка въ 360.000 рублей.

Главные ворота, ведущія съ Садовой улицы внутрь Апраксина съ мелкими лавками по сторонамъ и съ двумя этажами для кладовыхъ выведены въ этомъ же году.

Одновременно построены вчернѣ два большіе двухъэтажные корпуса съ лавками, четыре корпуса прилежающіе къ межѣ сосѣдняго рынка и два флигеля по границѣ съ Апраксинымъ переулкомъ.

Такимъ образомъ въ августъ 1863 года было открыто для торговли около ста лавокъ, удобныхъ, прекрасно расположенныхъ и безопасныхъ отъ огня.

Толкучій торгъ изъ этого рынка былъ переведенъ въ Ново-Александровскій рынокъ, который собственно говоря и возродился послѣ этого громаднаго пожара.

Застройка рынка продолжалась, и въ настоящее время въ немъ свыше 40 корпусовъ и около 650 лавокъ. Застройка эта производилась на средства арендаторовъ торговцевъ, а за послѣднее время они стали надстраивать свои лавки третьими и четвертыми этажами, такъ какъ рынокъ сталъ первымъ въ Европѣ по своимъ крупнымъ оптовымъ оборотамъ.

Въ немъ сосредоточена торговля мануфактурными, суконными, мѣховыми, галантерейными, шорными, металлическими, бакалейными, фруктовыми товарами, готовыми платьями и проч. и проч.

Съ 1907 года въ рынокъ нашли необходимымъ учредить фруктовую, чайную и винную биржу; при ней открыто Общество Взаимнаго Кредита и отдѣленіе агентства страхового общества „Россія“.

Послѣ выхода замужъ графини Александры Васильевны Апраксиной за секретаря посольства короля Бельгійскаго де-Бошъ и совершеннолѣтія графини Александры Ѳедоровны Апраксиной, по мужу баронессы Мантейфель, опекунское упра-

вление прекратило свое дѣйствіе и графъ Антонъ Степановичъ Апраксинъ выдѣливъ всѣмъ наслѣдникамъ наличныя деньги сдѣлался единственнымъ владѣльцемъ Апраксина двора.

Раздѣльный актъ былъ совершенъ въ 1873 году.

Не можемъ не сказать нѣсколько словъ о графѣ А. С. Апраксинѣ, этомъ выдающемся государственномъ и общественномъ дѣятелѣ, съ именемъ котораго связаны не только сооруженіе въ Апраксиномъ дворѣ церкви во имя Воскресенія Христова и постройка Малаго театра, но и вопросы „авіаціи“, сдѣлавшей за послѣдніе годы такіе крупныя успѣхи.

Графъ Антонъ Степановичъ родился въ 1819 году, достигъ чина генераль-лейтенанта и былъ извѣстенъ какъ диллетантъ воздухоплаванія.

Онъ написалъ въ 1884 году: „Воздухоплаваніе и примѣненіе его къ передвиженію аэростатовъ свободныхъ и несвободныхъ по желаемымъ направленіямъ“.

Строившіеся имъ „воздушные корабли“, одинъ на Охтѣ, а другой на Волковомъ полѣ остались за его смертью недоконченными.

Онъ умеръ 2 января 1899 года.

Упомянутая нами церковь во имя Воскресенія Христова въ Апраксиномъ дворѣ на Фонтанкѣ

Генералъ-Лейтенантъ графъ Антонъ Степановичъ Апраксинъ.

была начата постройкой въ 1883 году и обошлась графу Антону Степановичу около милліона рублей.

Работы производилъ архитекторъ Л. Ф. Фонтана, Ботта и итальянскіе мастера мозаики.

Освящена она была 25 іюня 1894 года и первое время до октября 1893 года служеніе въ храмѣ совершали, по приглашенію, іеромонахи Александро-Невской Лавры, а съ октября, по просьбѣ графа Антона Степановича, С.-Петербургскимъ митрополитомъ Паладіемъ былъ рукоположенъ въ санъ священника заштатный протодіаконъ Крестовоздвиженской церкви Николай Морошкинъ, который по настоящее время состоитъ настоятелемъ этой церкви.

На этотъ предметъ графъ Антонъ Степановичъ внесъ вѣчный вкладъ въ Государственный банкъ, подъ квитанцію за № 364, отъ 17 октября 1895 года тридцать тысячъ рублей, съ которыхъ годовые проценты—1.200 рублей навсегда должны поступать на содержаніе причта.

Послѣ смерти графа Антона Степановича его вдова, нынѣ здравствующая графиня Марія Дмитриевна Апраксина внесла еще на вѣчный вкладъ въ Государственный банкъ подъ квитанцію № 2241 отъ 16 апрѣля 1904 года сто тысячъ рублей, съ которыхъ годовые проценты—3500 руб-

лей должны поступать на содержаніе и нужды церкви „Воскресенія Христова“.

Старостою церкви съ 25 іюня 1894 года по 13 марта 1896 года состоялъ потомственный почетный гражданинъ С.-Петербургской 2-й гильдіи купецъ Федоръ Максимовичъ Царевъ, а съ 13 марта 1896 года по настоящее время его сынъ потомственный почетный гражданинъ С.-Петербургскій купецъ Петръ Федоровичъ Царевъ.

Рядомъ съ церковью помѣщается богадѣльня для призрѣваемыхъ вдовъ нижнихъ чиновъ Кавалергардскаго полка, и тутъ же два этажа занимаетъ бесплатно помѣщеніе Коммисаровская 3-хъ классная школа, основанная въ 1866 году на 110 учениковъ и квартиры для учителей.

Графъ Антонъ Степановичъ въ 1893 году внесъ вѣчный вкладъ на нужды школы — 11.850 рублей, а графиня Марія Дмитріевна внесла на нужды школы вѣчный вкладъ въ Государственный банкъ подъ квитанцію № 1552 отъ 22 февраля 1901 года, 40.000 рублей, по случаю исполнившагося тридцатипятилѣтія со дня основанія школы и Государственной 4⁰/₁₀₀ ренты на 6.600 рублей; и кромѣ того ежегодно отпускается на нужды учащихся въ школѣ по 1.000 рублей и на елку на Рождествѣ Христовомъ — 200 рублей.

Церковь во имя Воскресения Христова и здание Коммисаровской школы.

Эта бесплатная школа учреждена въ память избавленія Государя Императора Александра Николаевича отъ смертельной опасности 4 апрѣля 1866 года для бѣдныхъ дѣтей.

Наименована она Коммисаровской въ честь спасшаго царя Комисарова-Костромского.

Школа для приходящихъ учениковъ съ выдачею бесплатно учебныхъ пособій и къ празднику—одежды.

Х.

Малый театръ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Апраксиномъ дворѣ, фасадомъ на набережную рѣки Фонтанки, былъ выстроенъ графомъ А. С. Апраксинымъ театръ получившій названіе „Малаго“.

Строился онъ по плану архитектора Фонтана.

Первые двѣнадцать лѣтъ театръ арендовался дирекціей Императорскихъ театровъ, въ виду существовавшей въ то время монополіи казенныхъ театровъ и неразрѣшенія открытія театровъ частныхъ. Здѣсь ставились русскіе драматическіе спектакли для „начинающихъ молодыхъ силъ“.

Затѣмъ въ немъ подвизалась французская оперетка подъ дирекціей А. Ф. Картавова.

Послѣ французской труппы на этой сценѣ играли почти всѣ европейскія знаменитости: Оль-

Пожаръ Малаго театра 19 августа 1901 года. (Сцена).

риджъ, Росси, Сальвини, Сара Бернаръ, Дузе, Жюдикъ, Мазини, Батистини, Ансельми, Кавальери и другіе, перебивали поочередно чуть ли не всѣ „жанры“ театральнаго искусства— русская оперетка г.г. Арбенина и Пальма, „Лилипуты“, драма В. А. Неметти, драма М. В. Лентовскаго и покойнаго Михайлова, опера, малороссы и пр., и пр. вплоть до подвизающаго здѣсь донынѣ драматическаго театра Литературно-Художественнаго Общества.

19 августа 1901 года театръ этотъ сдѣлался жертвою пламени.

Въ одиннадцать часовъ вечера на думской городской пожарной каланчѣ взвились тревожные сигналы, возвѣщавшіе о начавшемся большомъ пожарѣ въ Спасской части.

Внезапно образовавшееся, громадное зарево уже освѣщало въ это время почти весь Петербургъ.

Въ пожарныхъ частяхъ раздались звонки, извѣщавшіе о начавшемся пожарѣ въ зданіи Малаго театра.

Несмотря на близкое нахожденіе пожарныхъ частей и ихъ скорое прибытіе на мѣсто пожара, образовавшійся огонь быстро принялъ такіе колоссальные размѣры, что громаднымъ пламенемъ выбросился изъ подъ крыши надъ сценой.

Въ виду столь быстрого распространенія огня и той опасности, которая грозила всему зданію театра, былъ данъ сигналъ о вызовѣ всѣхъ столичныхъ пожарныхъ командъ съ ихъ паровыми машинами и пожарными пароходами.

Прибывшіе пожарные, почти задыхаясь отъ дыма и жары, съ большимъ трудомъ проникли во внутрь театра, гдѣ огонь успѣлъ уже охватить всю сцену и сталъ по деревяннымъ приспособленіямъ переходить въ зрительный залъ театра.

Жара отъ пламени была такъ велика, что чугунныя балки потолка, на которыхъ былъ бетонный настилъ, расплавились, вслѣдствіе чего весь куполъ надъ зрительной залой обрушился.

Какъ декорации, такъ и другія сценическія машинныя деревянныя приспособленія служили, конечно, при этомъ, хорошею пищею для огня, почему не прошло и получаса, какъ вся сцена и чуть ли не весь зрительный залъ были уже объаты огнемъ.

Спасти пылавшую сцену, а равно и зрительный залъ, лежи въ которомъ только что были заново отдѣланы, конечно, не представлялось никакой возможности, почему все вниманіе пожарныхъ было обращено на то, чтобы удержать огонь на сценѣ и въ залѣ и не давать ему воз-

Пожаръ Малаго театра 19 августа 1901 года. (Зрительный залъ).

возможности проникнуть въ фойе, гдѣ находилась цѣнная театральная библіотека, но, по счастью, усиліями пожарныхъ „фойе“ отстояли.

Работавшіе внутри театра пожарные положительно изнемогли отъ царившей тамъ жары.

Несмотря на массу пролитой воды, огонь съ неимоверною силою продолжалъ уничтожать все, что только попадалось ему на пути.

Не легкой была и работа пожарныхъ, находившихся на крышѣ театра, гдѣ, вслѣдствіе взломанныхъ ими въ громадномъ количествѣ желѣзныхъ листовъ, образовалась сильная тяга.

Въ началѣ третьяго часа ночи какъ сцена, такъ и зрительный залъ стали уже достояніемъ огня, причемъ огонь сталъ проникать и въ фойе.

Въ виду предстоявшаго въ ближайшемъ будущемъ открытія зимняго сезона, на сценѣ театра по утрамъ почти ежедневно шли репетиціи, а въ самомъ зданіи театра спѣшно заканчивались работы по ремонту зрительнаго зала и проводкѣ новаго электрическаго кабеля подъ сценой.

Такъ было и въ день пожара.

Днемъ была репетиція, а вечеромъ окончились работы по ремонту, причемъ, незадолго до возникновенія пожара, послѣдними вышли изъ театра электротехники.

Возникновеніе пожара было замѣчено случайно, причемъ, по словамъ театральныхъ сторожей, первоначально огонь показался въ люкъ подъ сценой, откуда сторожъ замѣтилъ выходящій небольшой дымокъ.

Причину пожара приписывали неисправности новыхъ электрическихъ проводовъ.

Жертвою огня сдѣлалось почти все театральное имущество, которое застраховано не было.

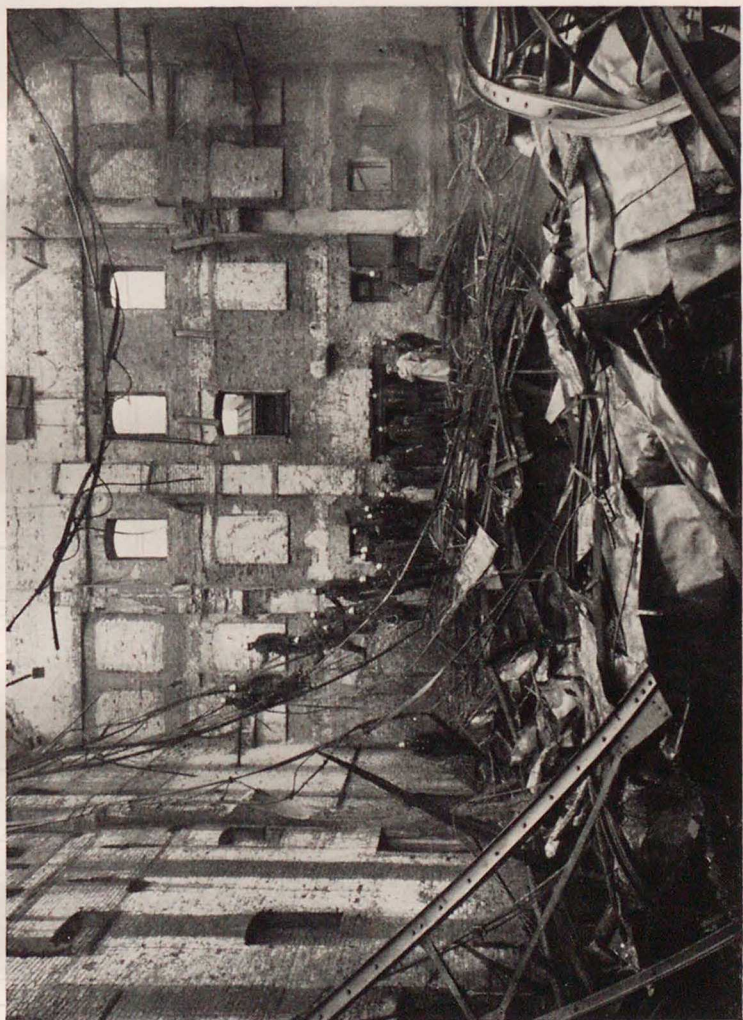
Что же касается до убытка отъ сгорѣвшаго зданія театра, то онъ простирался до 500.000 рублей.

При тушеніи пожара одинъ изъ рабочихъ, поливая пылавшій полъ сцены, получилъ ожоги лица и рукъ.

Вѣсть о пожарѣ быстро облетѣла весь „ночной“ Петербургъ.

Оба берега Фонтанки были буквально запружены публикой, и проникнуть на набережную не представлялось почти никакой возможности отъ запрудившихъ всѣ смежные проѣзды экипажей и извозчиковъ.

Здѣсь присутствовали массы актеровъ, плакавшихъ и рыдавшихъ, и всевозможныхъ, такъ или иначе причастныхъ къ театральной жизни, лицъ, поспѣшившихъ на пожарище изъ всевозможныхъ увеселительныхъ садовъ.

Пожаръ Малаго театра 19 августа 1901 года. Работа пожарныхъ на разсвѣтъ.

Къ утру отъ Малаго театра остались однѣ обгорѣвшія стѣны.

Но графиня Марія Дмитріевна Апраксина тотчасъ рѣшила приступить къ возведенію новаго зданія театра.

Работы начались въ октябрѣ 1901 года, а 15 октября 1902 года Малый театръ былъ открытъ и въ него перешла труппа Литературно-Художественнаго Общества, игравшая въ послѣ-пожарный сезонъ въ Панаевскомъ театрѣ.

Постройку театра послѣ пожара производили архитекторъ А. К. Гаммершtedтъ, его помощники архитекторы Всеславинъ и Витте, а другія работы исполнили: каменные—Кругловъ, металлическія—Артуръ Коппель, лѣпныя—Лопинъ, живописныя и малярныя—Гуджіари, художественныя—Вагнеръ въ Мюнхенѣ, отопленіе и вентиляціи устраивали бр. Кертингъ, на сценѣ планшеть, машины и проч.—завѣдующій монтировочной частью Императорскаго Александринскаго театра Петровъ, электрическое оборудованіе на сценѣ—завѣдующій электрическимъ освѣщеніемъ Императорскаго Маріинскаго театра Калиновъ, арматура—С.-Петербургскаго Арматурнаго Электрическаго завода.

Въ настоящее время пожизненной владѣлицей Апраксина двора и театра состоитъ вдова генералъ-лейтенанта графиня Марія Дмитріевна Апра-

ксина и ея единственный сынъ камергеръ Высочайшаго Двора надворный совѣтникъ Степанъ Антоновичъ Апраксинъ.

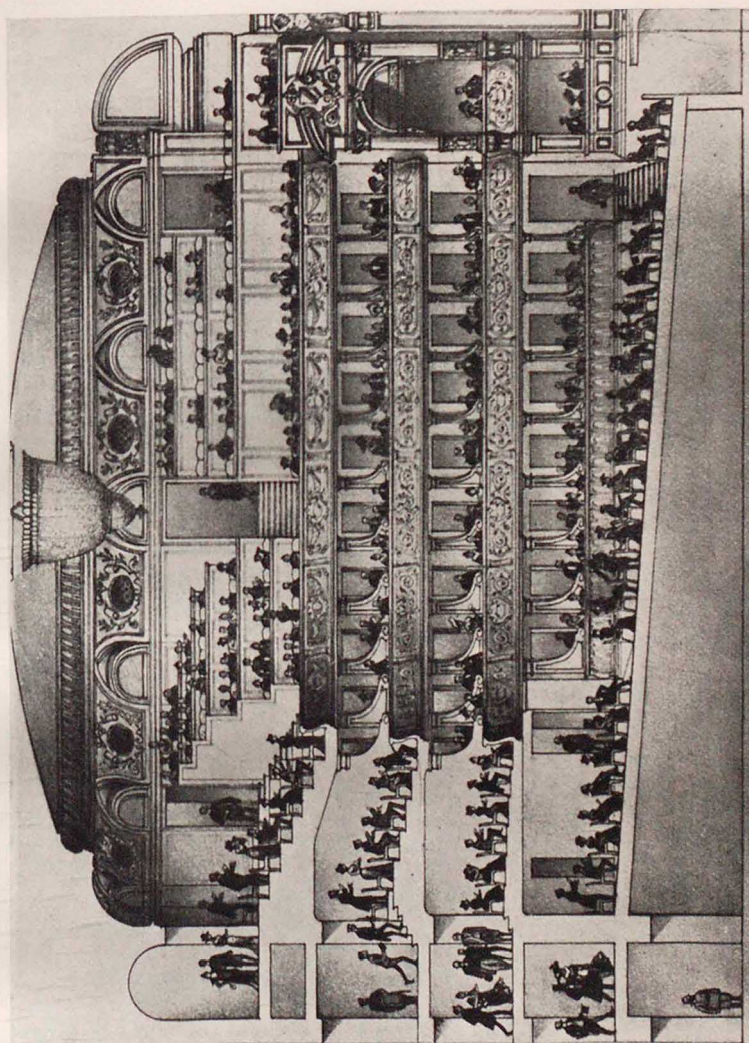
Графиня Марія Дмитріевна, слѣдую примѣру ея покойнаго супруга, отличается широкою благотворительностью.

Кромѣ щедрой заботы о Коммисаровской школѣ, она въ 1909 году пожертвовала Попечительству о слѣпыхъ вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи участокъ земли 11.802 кв. саж. въ Мурзинкѣ для постройки убѣжища на 50 слѣпыхъ женщинъ, выдавъ для этой цѣли наличными деньгами 83.000 рублей и, кромѣ этого, на содержаніе Убѣжища внесла въ Государственный Банкъ капиталъ въ 160.000 рублей государственной 4⁰/₁₀₀ рентой и ежегодно вносить еще по 7.000 рублей въ это попечительство на тотъ же предметъ.

Замѣтимъ, что вѣдомство Императрицы Маріи получило отъ покойнаго графа Антона Степановича Апраксина въ 1881 году въ той же Мурзинкѣ участокъ земли въ пятнадцать десятинъ, гдѣ устроена колонія для глухонѣмыхъ, а излишнюю землю вѣдомство отдаетъ въ аренду, получая доходы.

Убѣжищу для слѣпыхъ женщинъ въ Мурзинкѣ присвоено имя графини Маріи Дмитріевны Апраксиной.

Разрѣзь зрительнаго зала Малаго театра.

Всѣ дѣла по имѣніямъ и капиталамъ графовъ Апраксиныхъ сосредоточены въ ихъ „Главной конторѣ“, которой завѣдывали въ хронологическомъ порядкѣ г.г. Лутугинъ, Волковъ, Кокурошниковъ, Филатовъ, Шашъ, а съ 1 марта 1905 года по настоящее время статскій совѣтникъ В. Ф. Рубахинъ.

XI.

Гербъ графовъ Апраксиныхъ.

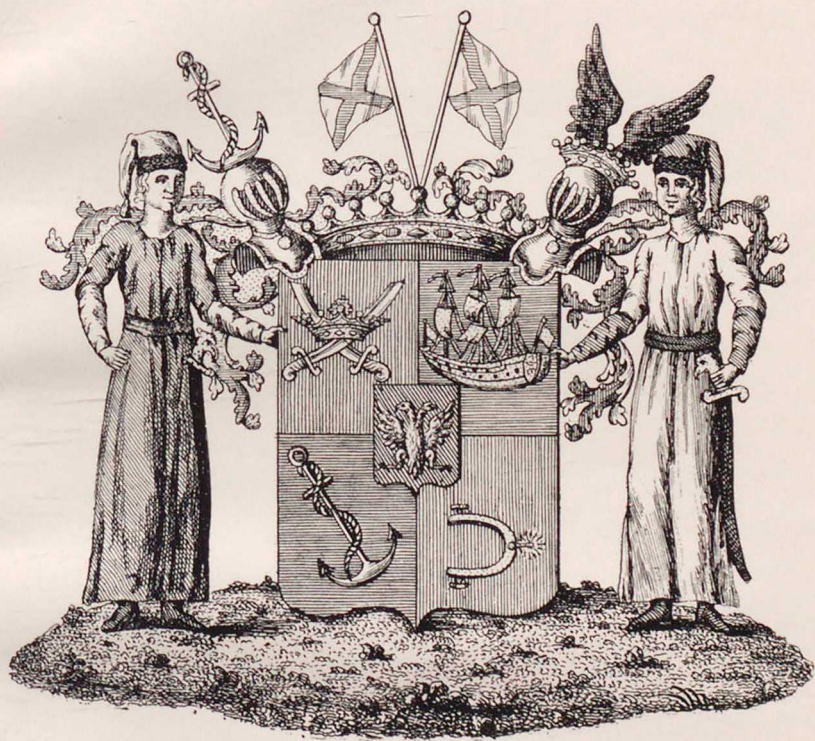
Заканчивая нашъ слабый историческій очеркъ знаменитаго рода графовъ Апраксиныхъ, три раза въ теченіе семи вѣковъ породнившихся съ русскими великокняжескимъ и царскимъ Домомъ, не можемъ не привести описаніе присвоеннаго имъ герба, который въ краснорѣчивыхъ эмблемахъ изображаетъ всю исторію этого рода и заслуги его отдѣльныхъ членовъ.

Щитъ этого герба раздѣленъ на четыре поля.

На первомъ, верхнемъ, пурпуровомъ, помѣщены два накрестъ сложенные мечи, продернутые сквозь графскую золотую корону.

На второмъ, верхнемъ, голубомъ, высокобортный корабль съ распушенными парусами и серебряными снастями.

Гербъ рода графовъ Апраксиныхъ.

На третьемъ, нижнемъ, голубомъ, серебряный якорь, канатомъ обвитый.

На четвертомъ, на красномъ полѣ, золотая шпора.

По срединѣ всѣхъ полей щита—малый зеленый щитокъ съ бѣлымъ двуглавымъ орломъ съ распростертыми крыльями.

Гербъ держать два татарина въ національных костюмахъ, въ пурпуровомъ одѣяніи, расшитомъ золотомъ, въ голубыхъ шароварахъ, въ пурпуровыхъ шапкахъ и такихъ же сапогахъ, вооруженные золотыми пиками и поставленные на пушкахъ.

Верхъ герба украшенъ двумя, выходящими изъ золотой графской короны, російскими бѣлыми флагами съ синими крестами.

Два шлема съ на три четверти опущенными забралами: правый увѣнчанъ чернымъ якоремъ, лѣвый—парой черныхъ распушенныхъ крыльевъ.

Весь гербъ находится на пурпуровой мантии, подбитой горностаемъ и шитой золотомъ.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Въ туманѣ столѣтій	3
II. „Птенцы гнѣзда Петрова“	9
III. При императрицахъ	22
IV. Апраксинъ дворъ и его первые владѣльцы.	30
V. Застройка Апраксина двора.	36
VI. Пожаръ 28 мая 1862 года	42
VII. Картина бѣдствія.	52
VIII. Царь на пожарѣ	60
IX. Послѣ пожара	71
X. Малый театръ	80
XI. Гербъ графовъ Апраксиныхъ	88

111

19879

19

2014142853